

НИЛЬС ХАГЕН



ОХОТА НА  
ВИКИНГА

Нильс Хаген  
**Охота на викинга**

«Книма»

2013

**Хаген Н.**

Охота на викинга / Н. Хаген — «Книма», 2013

ISBN 978-5-904919-58-0

Когда обстоятельства загоняют успешного европейского топ-менеджера в угол, оказывается, что под слоем офисного лоска скрывается настоящий потомок викингов, способный и держать удар, и бить на опережение, и любить, и ненавидеть. Встречайте дебютный роман Нильса Хагена, датчанина, попытавшегося покорить Россию, а в итоге обретшего судьбу. На первый взгляд это простая история страсти, но на самом деле перед вами попытка автора осознать, что есть любовь в нашем сумасшедшем, стремительно меняющемся мире. Роман основан на реальных событиях.

ISBN 978-5-904919-58-0

© Хаген Н., 2013

© Книма, 2013

# Содержание

Часть первая	6
1	6
2	15
3	26
4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

# **Нильс Хаген**

## **Охота на викинга**

*Роман основан на реальных событиях.*

*Некоторые имена и географические названия изменены.*

## Часть первая

### 1

Луна в России похожа на студентку, смешливую девушку с короткой стрижкой. У нас в Дании она другая. Мне с детства казалось, что Луна один в один копия тетушки Марты, жены дяди Ульрика, брата моей матери.

Тетушка Марта была толстая и все время пекла маргариновое печенье для благотворительных ярмарок, потому что состояла в огромном количестве всевозможных организаций, помогающих малоимущим, иммигрантам, сиротам, инвалидам и жертвам бедствий в странах третьего и четвертого мира. Мои родители говорили, что это из-за того, что у тетушки Марты нет детей. Так или иначе, но луна у меня всегда ассоциировалась с нею. Всегда – пока я не приехал в Россию.

Я включаю планшет и открываю фотографии своей семьи. Отец, мать, сестры, бабушка... Отчего-то мне кажется, что фотографии на экране выглядят неестественно. Настоящая фотография должна быть напечатана на бумаге. Тогда она становится вещью, предметом, который можно повесить на стену, заключить в раму, преподнести в подарок... А на экране монитора – или того же планшета – это просто картинка, время жизни которой – мгновения.

Интересно, что русские называют планшеты айпадами. Любые, не важно, какая компания их произвела. Они вообще любят множить сущности, а их бритва Оккама заржавела где-то на полке в чулане. Например, здесь называют все хетчбэки Волжского автозавода «Жигулями», хотя такое название носила только одна модель – ВАЗ-2101, я проверял специально. Все копиры у них – ксероксы, а все планшеты – айпады. Зато доллар имеет здесь такое великое множество наименований, что их приходится записывать, чтобы не путаться. Я даже завел отдельный файл, который постоянно пополняется. Вот как он выглядит на сегодняшний день: доллар – это зеленый, зелень, зеленка, зеленый рубль, твердач, американский рубль, грин, гринбек, бакс, бакинский, баксис, бабаха, уе, уешка, убитый енот, узбекский еж и долларевич. И если долларевича, зелень, грин и даже твердача я еще могу объяснить, то при чем тут узбекский еж? Это определенно выше моего понимания.

Я изучаю русский язык четвертый год, я знаю много слов, почти не делаю ошибок в построении предложений, освоил сленг и ругательства, но этот язык, как и этот народ, буквально каждый день преподносит все новые сюрпризы.

Сюрпризы... подарки... Завтра у меня день рождения. Дома, когда я был маленьким, мама делала в этот день эблескивер<sup>1</sup>, как будто бы на дворе декабрь. Дедушка ворчал, что это кощунство, но ел с удовольствием – у мамы золотые руки. Вообще с родителями мне повезло. Они познакомились в знаменитой коммуне хиппи «Вольный город Христиания» в 1975 году. У отца была своя группа, он играл на бас-гитаре и пел – свои и чужие песни. Отец дружил с Якобом Лудвигсеном, ездил на фестиваль Вудсток, на настоящий, в шестьдесят девятом, выступал за свободную любовь и жил в старых казармах. Я видел фотографии – у него тогда была борода, волосы до плеч, а на груди болтался медный кальян для марихуаны.

Мама оказалась в «Христиании» случайно – в их школе проводили благотворительный ужин для ветеранов Первой мировой войны, и ее отправили отнести приглашение какому-то старику-артиллеристу. Одноклассники решили подшутить и подсунули маме вместо адреса артиллериста адрес старых казарм в «Христиании».

---

<sup>1</sup> Эблескивер – датские сладкие пирожки или пончики, традиционное рождественское угощение. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Когда мама заглянула туда, шла репетиция. Отец – а он у меня почти двухметрового роста – расхаживал по импровизированной сцене и ругался на своих музыкантов. Увидев мать, он гаркнул и на нее: «Эй, девчонка! Или садись за клавиши, или убирайся!»

Мама хорошо играла на фортепьяно – бабушка с дедушкой вообще дали ей неплохое образование, потратив на это кучу денег, а уж решительность маме досталась бесплатно, по наследству.

Она села за синтезатор и сыграла «В пещере горного короля» Грига. Когда она заканчивала, казармы были набиты битком – большинство хиппи знали толк в Doors и Beatles, тащились от Jefferson Airplane и Grateful Dead, могли наиграть «San-Francisco»<sup>2</sup> на одной струне, но классическую музыку никогда не слышали.

В общем, так они и познакомились.

Хиппи... Если посмотреть на моего старика сейчас, то никто никогда не поверит, что этот благообразный седой мужчина с аккуратной прической, сделавший карьеру муниципального служащего, когда-то был бунтарем, драчуном и спал с десятью девушками одновременно, то есть в одной постели.

Скоро придет Дмитрий. Он не хиппи, он – хипстер. Пузатый, веселый хипстер с ранней лысиной и пушистыми усами, в кедах «Конверс», в розовой майке, на которой изображен Гай Фокс. Дмитрий заведует в нашем филиале отделом маркетинга и пиара. Его любимое занятие – придумывать информационные поводы и организовывать брифинги, потому что после брифингов бывают фуршеты. Поест Дмитрий любит, особенно если за еду не нужно платить. Нет, он не жаден и не беден, любовь к бесплатной еде и выпивке сохранилось у него с тех лет, когда Дмитрий был журналистом и достаточно преуспевающим писателем.

Сам он рассказывает о тех временах со смехом – мол, я был властителем дум, модным беллетристом, и восторженные почитательницы таланта носили меня на руках. Глядя на сто-с-чем-то-килограммовую тушу Дмитрия, я обычно высказываю сомнения в последнем факте, а он начинает нервничать и все время обещает предоставить доказательства в виде фотографий и видеозаписей.

Книжки, которые писал Дмитрий, выходили с яркими целлофанированными обложками, на которых мускулистые красавцы в камуфляже или кевларовой броне, сжимая в одной руке меч, а в другой плазмоган, крушили мутантов, инопланетян и драконов, а к ним льнули полуголые грудастые красотки с зелеными, непременно зелеными глазами. Подобные книги до сих пор продаются во всех магазинах России. Мне иногда кажется, что они размножаются на полках делением, как амебы.

У нас такие книги издавались в восьмидесятые, я тогда был маленьким и помню, как бабушка запрещала мне рассматривать всех этих обложечных барбарелл и суперменов, «чтобы не испортить вкус».

Писательский бизнес в России, судя по рассказам Дмитрия, – дело неблагодарное. Издатели буквально грабят писателей, выплачивая нищенские гонорары, но при этом создают условия для привлечения в отрасль все новых и новых молодых и талантливых авторов, готовых работать за копейки, лишь бы увидеть свой опус напечатанным.

Дмитрий занимал в книжном мире России неплохую нишу, а потом ему это наскучило, по крайней мере так утверждал он сам.

– Понимаешь, – говорил он мне в минуты алкогольной откровенности, – надоело. Я – как воздушный шарик, летел вверх, летел, и вдруг – бац! – потолок. Неба нет, понимаешь? Тогда я плюнул и ушел...

---

<sup>2</sup> Неофициальный гимн хиппи, автор – Джон Филипс из группы The Mamas and the Papas.

Сравнение небритого сорокалетнего толстяка с воздушным шариком, конечно, забавно, но я списываю это на литературные атавизмы Дмитрия. Как пиарщик он весьма неплох, есть и креатив, и поиск, и стремление к совершенству. С таким человеком мне комфортно работать, а это главное, если хочешь добиться результата.

Я – хочу. Моя цель – сделать наш банковский филиал лучшим в Восточной Европе. Зачем? Не знаю. Наверное, для того чтобы почувствовать удовлетворение от своей работы и жизни. Или от жизни и работы... Впрочем, эти два понятия последние три года для меня слились воедино. Я живу, чтобы работать, и работаю, чтобы жить. Так уж получилось.

Виновата в этом девушка с вишневыми глазами. Ее звали Мархеритта – креолка с французских заморских территорий, не то с Гваделупы, не то с Мартиники. Хотя почему звали? Зовут до сих пор, только уже другие. Я зарекся произносить это имя, слишком больно. Больно даже по прошествии трех лет. Видимо, рана оказалась куда глубже, чем я думал поначалу.

Мархи... Так я называл ее в минуты близости. Нет, не буду сейчас о ней. Может быть, когда-нибудь потом, позже. Продолжу лучше про Дмитрия.

Забросив писательское ремесло, он похудел на пятнадцать килограммов, изменил свои привычки, например, он не пьет теперь коньяк по утрам и всерьез рассчитывает к шестидесяти годам стать вице-президентом по связям с общественностью всего холдинга. Я в него верю. Не только потому, что он мой друг, но и потому, что русским уже давно пора быть в Европе не только пугалами и туристами.

Дмитрий вместе с коллегами из своего отдела подготовил для меня сюрприз. Он так и сказал:

– Шеф, эту днюху ты запомнишь надолго.

Днюха – это он специально. Я хочу выучить русский язык так хорошо, чтобы меня не принимали за иностранца. Для этого мало освоить произношения, научиться образовывать из четырех исходных матерных слов три с лишним тысячи производных и понять великий сакральный смысл распространенного русского ответа на любой вопрос: «Да нет». Нужно впитать в себя все разнообразие слов, диалектов, неологизмов, впитать нюансы интонаций и эвфемизмы, которые еще необходимо научиться правильно вставлять. Например, я полгода пытался постичь смысл фразы, которую произносит мой заместитель Анатолий, вызывая к себе офис-менеджера:

– Встань передо мной, как лист перед травой!

А когда я при всех однажды пересказал Дмитрию случайно подслушанный диалог моей секретарши Ани (это очень по-русски – «секретарша», а не секретарь!) с девушкой Светой из кредитного отдела, то попал в неудобное положение, потому что подставил Аню.

Диалог был таков:

Света:

– Мы сегодня в клуб. Ты с нами?

Аня:

– Глеб будет?

Света:

– Да.

Аня:

– Тогда я – мимо.

Света:

– Почему?

Аня:

– Красная армия наступает. Наступление показывают по цветному телевидению. А запасной выход заколочен. Все ушли на фронт.

Света:

– А-а-а... Ну, извини, подруга, едем без тебя.

Я решил, что Аня не едет в ночной клуб потому, что у нее занятие в клубе исторических реконструкторов, посвященное Великой Отечественной войне советского народа, и прямо спросил ее об этом, а когда она начала отнекиваться, озвучил разговор. Аня покраснела и убежала. Дмитрий долго смеялся, а потом перевел мне с русского на русский, о чем говорили девушки. Пришлось дарить Ане премию, а коллег я попросил разговаривать со мной, особенно в неформальной обстановке, так, как они разговаривают со своими близкими людьми, чтобы быстрее освоить этот великий и могучий, непонятный и перезамороженный русский язык.

Телефонный звонок выводит меня из задумчивости. На входящий неизвестный вызов у меня стоит «Smells Like Teen Spirit» от Nirvana. Говорят, это лучшая песня девяностых. Не знаю, у меня она прочно ассоциируется с тем, как я напился в день окончания университета и едва не утонул в канале. Именно поэтому я поставил эту мелодию на входящие звонки. Входящий аноним не несет ничего хорошего, это аксиома нашего времени.

Номер британский, прямой. Отчего-то ощущаю некоторую взволнованность. И сразу возникает желание не нажимать кнопку с изображением маленькой зеленой трубки. Возникает, но я его гоню прочь – звонок может быть связан с работой.

– Yes?

– Bonjour, ami... – чуть хрипло шепчет мне в ухо женский голос. Шепчет по-французски. Это естественно – она не знает других языков. Она вообще ни черта...

Три года! Три года я не слышал этого голоса. Три года я старался забыть его, уверенный, что эти хрипловатые, грудные обертоны не потревожат мой слух.

– С днем рождения, дружочек, – говорит тем временем Мархеритта. – Видишь, я не забыла...

– Забыла, – переходя на язык Мопассана, говорю я. – Мой день – завтра.

– У нас на Мартиники, – она не меняет тембра и не повышает голоса, – поздравляют за день до того, как... Это обычай, дружочек.

Вранье! Я уверен, убежден, готов биться об заклад, держать пари на что угодно, что это – наглое вранье, причем пришедшее в ее голову только что. Она забыла точную дату, поэтому и позвонила на день раньше, а когда я ее уличил, или, как говорят русские, ущучил, мгновенно соврала.

Но!

Проверить я не могу. Да даже если бы и мог, что с того? Она засмеялась бы – о боже, я помню, как она умеет смеяться... – и легко перевела разговор на другое.

Стиснув зубы, спрашиваю как можно равнодушнее:

– Чего тебе надо?

То, что ей что-то надо, – это факт, медицинский, научный, да какой угодно. Три года Мархи молчала. И вот вдруг...

Пауза – видимо, она пожимает плечами, как всякая женщина, которая не делает различий между обычным и телефонным разговорами. Я слышу ее дыхание. Потом звучат слова:

– Разбирали с Жоjo бумаги, нашли свидетельство о регистрации нашего брака...

Конечно, это оскорбление. Позвонить брошенному мужчине и сообщить, что о нем вспомнили только тогда, когда с любовником наткнулись на свадебный документ... Жоjo... Я даже не знаю, не уверен до сих пор, мужчина это или женщина<sup>3</sup>. Но именно это существо с оранжевыми волосами увело у меня Мархеритту, мою Мархи...

---

<sup>3</sup> Жоjo – по-французски и «красавчик», и «красотка».

Ее кожа была словно облита шоколадом и имела тот неуловимый оттенок коричнево-кремового, какой можно увидеть только в чашечках с *chocolat chaud*<sup>4</sup>, что подают в кафе «Ротонда», расположенном по знаменитому адресу «бульвар Монпарнас, 105». Об этом кафе писал знаменитый русский поэт Маяковский, застрелившийся из-за несчастной любви.

*Сезан  
остановился на линии,  
и весь  
размерсился – тронутый.  
Париж,  
фиолетовый,  
Париж в анилине,  
вставал  
за окном «Ротонды».*

Мархи не читала Маяковского. Возможно, она вообще не умела читать, по крайней мере, я никогда не видел у нее в руках книги или газеты или даже женского модного журнала.

Зато она умела целоваться. Ее губы были упруги, как мармелад, а язык – словно ящерица, горячая и быстрая. И если закрыть глаза и провести рукой по ее спине, казалось, что гладишь оживший персик. Знаете, есть такие итальянские персики, покрытые нежнейшим пушком, кажется, они называются *pesca*? Вот такой была кожа у моей Мархи... Я опять говорю о ней в прошедшем времени, а ведь она есть, она звонит, и ее знойное дыхание бьется в трубке.

Она была гибкой, как бамбуковый шест или как китайский меч для кун-фу. Я намеренно сравниваю Мархи не с растением, не с животным, а с оружием, потому что она и была им – опасная, грозная, способная уничтожить любого, кто пытается взять ее без должной сноровки и умения.

Я почти год овладевал этими навыками. Я ездил за ней по всей Европе, ночевал в прокуренных польских мотелях и греческих домах для приезжих, где по стенам бегают богомолы. Я дрался за нее! Дрался с французскими байкерами, с румынскими цыганами и с албанскими бандитами, которые хотели продать Мархи в турецкий бордель. Причем, по-моему, она не была особенно против.

Я едва не загубил свою карьеру этими бесконечными отлучками, но в конечном итоге мне удалось то, чего еще не удавалось никому, – я повел Мархи под венец.

Зачем? Я и сам не знаю. Мы могли бы жить просто так, любить друг друга под солнцем и луной, купаться в морях и океанах и снова любить друг друга на влажном песке, а утром завтракать в маленьких ресторанчиках у моря и есть жареных каракатиц – пищу пиратов и влюбленных.

Но мне хотелось, чтобы Мархи не была сном, предутренним наваждением, который в один далеко не прекрасный миг исчез бы из моих объятий, как уже случилось.

Наверное, феминистки правы, и каждый мужчина действительно собственник. Это заложено в нас матушкой-природой, это основа выживаемости вида *homo sapiens*. И чтобы не упустить, не потерять Мархи, я решил приковать ее к себе с помощью золотого колечка на безымянном пальце.

Она не сопротивлялась, нет. Ей было интересно, забавно, ново и непонятно это состояние, этот статус – замужняя дама. Кроме того, она, как птица, любила все блестящее, а в придачу к кольцу шел фактически титул «госпожа Хаген», положение в обществе и деньги. Да,

---

<sup>4</sup> Горячий шоколад (*фр.*).

именно деньги. Возможность распоряжаться счетом. Для женщины, как я понял, это иной раз значит больше, чем реальная королевская корона на голове.

В общем, первые два месяца ничто не омрачало горизонт нашего супружеского рая. Ничто и никто, да.

И я расслабился, потому что был счастлив.

Естественно, по всем законам мелодраматического искусства, именно в этот момент мне и был нанесен подлый, подлейший просто удар в спину. Русские в таких случаях говорят «дураку наука» и еще что-то про круг друзей и щелканье клювом. В общем, не хочу даже вспоминать, как обнаружил отсутствие присутствия денег на счету, отсутствие присутствия одежды в гардеробной и отсутствие присутствия Мархи в нашем старом доме с видом на Ботанический сад Копенгагена.

Записка была короткой и почему-то на английском: «Sorry. It's My Life»<sup>5</sup>. Потом я узнал, что писала не сама Мархи, а ее Jojo.

Вот так я лишился ста пятидесяти тысяч евро и жены. Русские бы сказали: «хорошо отделался», – у нас бы заметили, что это была хорошая сделка. Но я так не думал и бросился на поиски.

Долго искать не пришлось. Это была какая-то коммуна в Амстердаме, сборище антиглобалистов, анархистов, наркоманов и феминисток. Когда я вошел, Мархи лежала на полу, задрав голые ноги, измазанные краской, а двое негров с дредами прикладывали к ее ступням куски белого картона. Получившиеся отпечатки моих милых пяточек подписывал синим фломастером мрачный старик с персидской бородой до ремня. Потом я узнал, что их продавали на набережной туристам как неизвестные работы Энди Уорхола.

Увидев меня, Мархи захохотала. Старик включил Manu Chao и предложил выпить. Негры ушли за краской.

Через два дня мы развелись.

Я вернулся домой, написал заявление об увольнении и уехал в Россию руководить филиалом не самого крупного европейского банка – подальше от Европы, от мультикультурности и Manu Chao.

И вот звонок.

– Эй, – говорит Мархи, обеспокоенная моим долгим молчанием, – ты тут?

– Здесь. Так что тебе нужно?

– Дружочек, прости, что я...

Дальше она произносит фразу, которая звучит как «Mener qn par le bout du nez»<sup>6</sup>. Я неплохо знаю французский и понимаю смысл сказанного, но почему-то перевожу в голове не на датский, а на русский. И у меня получается: «Я вила из тебя веревки».

– Прощаю, – говорю я. – Это все?

– У меня год назад родился ребенок, – шепчет Мархи. – Мальчик. Я назвала его... Нильс.

Бух! – сердце взмывает в голову, взрывается, горячо и мощно толкаясь в виски. Перед глазами все плывет.

Мальчик! Сын!

И тут же приходит трезвое понимание того, что рожденный год назад ребенок не может быть моим. Никак не может.

Зачем она мне это говорит? Может быть, хочет вернуться, все начать сначала? Перебесилась? Я готов ее принять. Принять с ребенком, с двумя, с десятью. Потому что люблю...

Люблю? А она?

– Дружочек... – говорит Мархи. – Прости, пожалуйста... Я уезжаю...

---

<sup>5</sup> Извини. Это моя жизнь (англ.).

<sup>6</sup> Водить за нос (фр.).

- Куда? – тупо спрашиваю я.
- В Китай. Жою получила контракт на оформление торгового центра в Шанхае, крупнейшего в мире.
- Получила? – переспрашиваю я. – А от кого тогда ребенок?
- Мархи смеется. Наваждение рассеивается. Она просто дурачит меня, опять дурачит!
- Menet qn par le bout du nez!
- Пошла ты к черту! – рычу я в трубку и... и продолжаю слушать ее смех.
- Прощай, скучный дядя Нильс, – мурлычет она сквозь смех. – Будь счастлив в свой тридцать третий день рождения...

Тридцать три года. Возраст Христа. «Земную жизнь пройдя до половины...» Во времена Данте средняя продолжительность жизни мужчин была едва ли больше сорока лет – войны, болезни, антисанитария. Но почему-то считается, что Данте писал именно о возрасте Христа.

Кладу теплую трубку на столик, иду к холодильнику. Там на дверце стоит водка. Это очень по-русски – держать водку не в баре, а в холодильнике и пить ледяную, не используя лед.

Надо выпить. Проклятая чертовка с Мартиники или Гваделупы, обладательница персиковой кожи, облитой горячим шоколадом, хозяйка вишневого лица и хриплого смеха, словом, моя маленькая крошка Мархи, родившая ребенка невесть от кого, – она вывела меня из себя.

Колдунья. Ведьма. Она вновь пробудила во мне чувства. Это магия, колдовство. Именно за это таких, как она в Средние века и во времена Данте сжигали на кострах.

Но дойти до холодильника я не успеваю – гудит домофон. Пришел Дмитрий.

Мы идем в гостиную, он снимает очки в черной пластиковой оправе, выкладывает на стол планшет, телефон – все, естественно, Apple, – молескин и золотой карандашик.

– Будем работать, шеф, – сообщает он мне.

– Подожди, – говорю я ему. – Давай немного поговорим о русском языке. У меня есть ряд вопросов...

Дмитрий делает жест «рука-лицо», вздыхает.

– Шеф, не парься. Ты болтаешь на рашене лучше, чем восемьдесят процентов населения этой страны.

Я его не слушаю. В конце концов, я – начальник, а в патерналистской системе управления есть свои плюсы, которые четко характеризуются фразой: «Как я сказал, так и будет!» В России это работает, причем эффективно. Возможно, это вообще самая рабочая схема взаимоотношений между руководством и подчиненными.

– Что такое «вить веревки»? – спрашиваю я, глядя на Дмитрия в упор. Он не любит, когда на него вот так смотрят, теряется и становится похожим на большого усатого ребенка, провинившегося школьника.

Вот и сейчас Дмитрий растерян. Его короткие толстые пальцы, покрытые волосами, начинают ползать по столу, словно личинки, губы шевелятся, глаза перепрыгивают с одного предмета на другой.

– Ну ше-еф... – выпевает он наконец. – Ну заче-ем...

– Говори! – я приказываю ему.

Потому что я – начальник. Как скажу – так и будет.

Дмитрий вздыхает и начинает мямлить:

– В старину крестьяне делали веревки из пеньки...

– Из пенька?! – я удивляюсь, потому что никогда не слышал о таком способе делания веревок. Пенек в моем понимании – это то, что остается, когда срубают дерево. Как из пенька можно сделать веревку? Впрочем, русские все могут.

– Не из пенька, а из пеньки. – Дмитрий немного приободряется. – Это размочаленные волокна конопли...

– Каннабис? – я снова удивляюсь. – Ваши предки делали веревки из каннабиса?!

– Да что заладил: «пенька, каннабис»! – взрывается наконец Дмитрий. – Можно подумать, в вашей гребаной Дании веревки делали из чего-то другого... Да, брали коноплю, бросали на дорогу и ездили по ней на телегах. Потом волокно крутили, мяли, а когда становилось совсем мягким, из него вили веревки. Какие хочешь – хоть до соседнего села. Ну, и когда про человека говорят: «Из него можно вить веревки», это значит, что он такой же мягкий, как волокна пеньки... конопля...

– Каннабиса, – подсказываю я.

– Угу, каннабиса.

Мы умолкаем. Потом я тихо говорю:

– Интересно, а веревку до соседнего села можно курить?

Дмитрий с самым серьезным видом подтверждает:

– Можно. Причем всем селом и курили...

И мы начинаем давиться от хохота. Дмитрий смеется совершенно искренне, а мой смех – он немного сквозь слезы, ведь я только что узнал, что в представлении Мархи я мягкий, как волокна каннабиса, и из меня можно вить веревки.

Вить веревки...

Черт, я же хотел выпить!

Оставляю Дмитрия досмеиваться, иду к холодильнику, достаю водку, беру на кухне низкие пузатые стаканы. Русскую водку надо пить из стаканов, так она вкуснее. И наливать сразу грамм семьдесят, чтобы был эффект.

Дмитрий, увидев в моих руках бутылку и посуду, удивленно крикает:

– Эт-то что такое, шеф? День же еще!

– То есть ты не будешь?

Дмитрий сопит, водит пальцем-личинкой по корешку молескина. Собственно, ответа я и не жду – мы же не первый день знакомы! – и разливаю водку.

– А закусь? – Дмитрий стряхивает с лица выражение сонного отличника и становится деловито суетлив. – Чего там у тебя есть?

Допускать его к холодильнику нельзя – разграбит. Но мне хочется выпить, а не возвращаться на кухню и делать бутерброды для этого Гаргантюа. И я только машу рукой – дескать, давай сам.

Дмитрий с неожиданной для его комплекции резвостью срывается с места и рысит к холодильнику. Я беру стакан, шумно выдыхаю – так меня учили, вот сам Дмитрий и учил – и проглатываю водку одним большим, тягучим глотком.

Ледяной огонь прокатывается по гортани, струится по пищеводу и разливается в желудке озером кипящей лавы. Я налил себе больше, чем обычно, – грамм сто двадцать, и у меня сразу немеет верхняя губа, а перед глазами словно повисает вуаль, типа той, что так любят невесты. Невестам вуаль нужна, чтобы спрятать от всех бесстыдно счастливые глаза, мне – чтобы не видеть Мархи, которая через три года снова заколдовала меня и теперь смотрит из каждого угла.

Из кухни, тяжело топая, приходит Дмитрий. В руках у него тарелка, на тарелке – стопка бутербродов с пармской ветчиной, зеленым сыром и помидорами. Я – фанат пармской ветчины и покупаю ее не в магазине, а в одном итальянском ресторане, который находится тут, рядом, на Смоленке. И сыр у меня тоже особый, называется Базирон Песто, его делают в Голландии, он зеленого цвета и имеет вкус соуса песто. А вот помидоры я предпочитаю местные, точнее, азербайджанские, большие и розовые. Словом, я люблю поесть вкусно.

А Дмитрий любит – много. Ему, по большому счету, все равно, пармская ветчина у него на бутерброде или соевая колбаса эконом-класса. И в сырах он разбирается так же, как в вет-

чине, то есть никак. Так что мои деликатесы сейчас будут варварски уничтожены безо всякого гурманства. Ну да и черт с ними. Мне все равно.

– На здоровье, – говорю я жующему Дмитрию. – Ты хотел поработать?

Но он видит мой опустевший стакан, видит, сколько убыло в бутылке, и перестает жевать.

– Стоп-стоп-стоп... – говорит Дмитрий и не глядя ставит тарелку на край стола. – Шеф, что произошло?

## 2

– Что ревешь, дуреха?

Рита не ответила, только беспомощно помотала головой. Слезы бежали по щекам черными дорожками поплывшей туши, и остановить их не было никаких сил.

Даже сейчас, когда все уже окончательно решено, ненавистный город детства, малая родина, не хотел отпускать, сопротивлялся. А ведь уже казалось, вырвалась из родного захолустья, добралась до Новосибирска, и от столицы, от новой жизни теперь отделяли только рельсы, шпалы и два дня вагонной качки...

– Поезд девятьсот семнадцать Владивосток – Москва отходит со второго пути, – прогундосил динамик.

От этой безобидной фразы плакать захотелось еще больше. Зашипело, что там обычно шипит у готового к отправлению поезда, состав дернулся.

Все...

– А, черт с тобой! Полезай, – сжалилась проводница.

Не веря своему счастью, Рита подхватила сумку и торопливо полезла в тронувшийся уже вагон. Проводница, некрасивая женщина лет сорока в форменном кителе, с уставшим от жизни лицом, перехватила сумку.

Взобравшись в тамбур, Рита оглянулась на Новосибирск.

На перроне толпились провожающие, но провожали не ее. Махали руками на прощание, но прощались не с ней. Рита отвернулась и с благодарностью посмотрела на проводницу.

– Спасибо, тетенька.

«Тетенька» набычилась, кивнула в сторону.

– Идем.

Идти пришлось всего ничего – до купе проводника. В детстве Рите всегда было интересно заглянуть внутрь, понять, как там все устроено, для чего все эти кнопки и краники. Сейчас интересы переменились, да и внутри купе не обнаружилось ничего любопытного. Обыденно и тесно. Пахло сладким дешевым парфюмом.

Проводница небрежно кинула сумку. Повернулась к замявшейся в дверях девушке, бросила покровительственно:

– Сядь.

Рита послушно присела на нижнюю полку. Проводница склонилась над ней и заговорила быстро, словно читая инструкцию:

– Значит так: сиди тихо, не высовывайся. Дверь закрою, будут стучать, не отпирай. И голос не подавай. Тебя здесь нет. Жди. Вернусь, поговорим.

– Хорошо, те...

– И еще раз назовешь меня «тетенькой», высажу на ближайшей станции, – недовольно оборвала проводница на полуслове. – Нашла себе родственницу...

Проводница вышла, дверь захлопнулась, и Рита осталась одна в совершенной растерянности. Все случилось настолько быстро и неожиданно, что некогда было даже осмыслить происходящее до конца. Зато теперь времени для раздумий появилось более чем достаточно. И Рита стала раскручивать в памяти последние сутки.

Спешные сборы, электричка до Новосибирска, украденные билет и деньги...

Пропажу Рита обнаружила уже возле поезда, когда проводница попросила предъявить проездные документы. Билета на месте не оказалось. Рита обшарила все карманы, сумку – ничего.

В документальной передаче по телевизору рассказывали, что люди, просящие милостыню и рассказывающие об украденных билетах, деньгах и документах, на самом деле про-

фессионалы. Никто у них не крал, ничего у них не пропадало. Все это сказка, придуманная для того, чтобы выбить слезу и денежку из особенно сердобольных. После той передачи возникло ощущение, что никто никакие билеты и документы не ворует, а деньги разве только выклянчивают, давя на жалость. Опасное, как оказалось, ощущение. Подкреплялось оно еще и тем, что в свое время Рита ездила в Новосибирск каждый будний день и за три года такой езды у нее ни разу ничего не украли.

Пропажа настолько выбила из колеи, что Рита оторопела и честно ляпнула проводнице, что билет у нее украли. Недовольное жизнью «лицо РЖД», вероятно, тоже смотрело ту передачу. Во всяком случае, в ответ на Ритины откровения проводница лишь фыркнула и сообщила: «У вас у всех украли. Придумали бы чего пооригинальнее, что ли».

Рита попыталась оправдаться, объяснить что-то, но проводница перестала обращать на нее внимание. Рита говорила правду, а ее, не выслушав, записали в лгуны. Время шло. Накапало ощущение полной беспомощности, и она разревелась. Не специально, просто внутри что-то надорвалось, сломалась какая-то преграда, выпуская наружу давно копившееся отчаяние. И эти искренние слезы неожиданно сработали.

– В другой раз за карманами следи, – проводница грохнула на стол стаканы с кипятком в чеканных подстаканниках.

Ее звали Клавдией. В жизни она давно разочаровалась. К работе своей привыкла и привычно ее не любила. Но менять ничего не собиралась, оправдываясь отсутствием стимула. Так и плыла по жизни вместе с вагонами поездов, покачиваясь и постукивая на стыках.

Клава бросила в кипяток пакетики с чаем, положила рядом с подстаканниками сахар. Выудила откуда-то подсохший лимон и сточенный от частого употребления нож с черной пластмассовой ручкой, протянула Рите:

– На-ка вот, порежь.

Девушка послушно взяла нож и с усердием школьницы принялась шинковать цитрус. Брызнул сок. Запахло лимоном. Причем запах был куда ярче, чем от пакетированной чайной требухи.

– Я следила, – тихо сказала Рита. – А потом с электрички сошла, давка началась. Наверное, там и...

– Не «наверное», а точно, – безапелляционно перебила Клавдия. – В давке и карманы потрошат, и сумки режут.

Проводница бросила толстыми пальцами по дольке лимона в оба стакана, не спрашивая.

– Чай пей.

Клава не отличалась изящными манерами, была грубовата и разбиралась если не во всем, то очень во многом. Про то, как режут сумки, она знала не понаслышке: один из ее бывших был ментом, а другой сидел за кражу. Неудачный опыт с многочисленными «бывшими» в свою очередь дарил Клавдии ощущение знания мужиков. В нагрузку к этому иллюзорному пониманию шла святая непробиваемая убежденность в том, что представители сильного пола – козлы. Причем через букву «А» и поголовно.

В отношениях с Ритой она сразу же заняла позицию наставника или старшей сестры. Та не сопротивлялась. Во-первых, она находилась на чужой территории. Во-вторых, была обязана.

– Точно, – согласилась Рита. – Я ведь тогда даже не подумала, когда он меня окликнул. Парень милый такой, улыбочивый. «Девушка, – говорит, – у вас упало». И паспорт мне мой протягивает. Я-то думала – это я обронила, а выходит, вор бросил.

– Чукча ты, – фыркнула Клава. – Этот твой милый-улыбочивый тебе карманы и почистил.

– Не может быть, – воспротивилась Рита. Тот парень симпатичный, вежливый и не походил на вора. – Зачем ему тогда паспорт отдавать было? И почему билет не вернул?

– Ага. Почему деньги не отдал? Почему прощения не попросил, не покаялся, не сдался властям и не попросился лес валить? Глупындра! И куда тебя такую несет из Новосибирска в столицу?

– Я не из Новосибирска, – Рита прихлебнула невкусный чай. – Я из Тогучина.

– Еще лучше! И чего ты в Москве забыла, тогучанка? Чего тебе там ловить?

Клава снова говорила свысока, как будто все об этом знала. Вот только про Ритину тогучинскую жизнь она не знала ничего.

– А здесь мне что ловить? – вспыхнула Рита.

– Не ори, девочка, – спокойно поставила девушку на место проводница. – Тебя здесь нет. Забыла?

И Рита прикусила язык.

Рита не могла похвастаться причастностью к «рожденным в СССР». Она появилась на свет в июле того самого года, когда Страна Советов почил в бозе. Формально Союз еще существовал, но союзные республики давно и упорно лихорадило, а поскольку среди руководства страны не нашлось ни одного решительного и властного человека, развал был неизбежен, так утверждали родственники, причем почти все. Сама Рита мнения на сей счет не имела, но особенно от этого не страдала.

Магазины светились пустыми прилавками, родители поголовно озадачивались не воспитанием детей, а банальным выживанием. О светлом будущем уже никто не думал. Какое тут светлое будущее, если каждый день приходится бороться с незнакомым и непредсказуемым настоящим?

Риту воспитывала бабушка. И улица. По очереди. В результате воспитание вышло своеобразным. Ни два, ни полтора. Слишком воспитанная для дворовой оторвы, слишком отвязная для домашней плюшевой девочки.

Она была честна, умела дружить, в каких-то моментах казалась наивной. По советским меркам это считалось положительными качествами, по современным – скорее, непрактичными. Эту непрактичность Рита прекрасно восполняла иными чертами характера, более подходящими для современной жизни, в которой мечту о светлом будущем для всего человечества успешно заменила мечта о больших деньгах в своем кармане.

А вот привить ей любовь к малой родине бабушке не удалось. Родной город Рите не нравился с детства. Ее манили совсем иные горизонты. Родись она лет на пятнадцать раньше, возможно, так навсегда и осталась бы в Тогучине, с букварем впитав, с чего начинается родина. Но, на беду или к счастью, в школу Рита пошла тогда, когда про любовь к родине уже не пели и мечты сбежать туда, где лучше, не выглядели чем-то зазорным.

До определенного времени грезы эти она оставляла при себе.

Закончилась школа. Вика – младшая сестренка – все еще училась. Мама с отцом по-прежнему были заняты зарабатыванием на жизнь. Да и других забот у них хватало. Папа повадился ходить налево, загулял и был застукан на месте преступления. Скандал вышел грандиозным, семью залихорадило. И помимо материального обеспечения потомства перед предками замячил вопрос построения личной жизни.

Будущее Риты повисло в воздухе. Сама она мечтала лишь о свободе. Полной, ото всего. От неуместной родительской опеки, от заболоченного образа жизни, от ненавистного Тогучина.

Других пожеланий у девушки не было, а имеющиеся выглядели весьма абстрактно.

Положение спасла бабушка. Именно она предложила отправить внучку поступать в Новосибирский педагогический. Спорить с необходимостью высшего образования Рита не стала. С коркой хоть специалиста, хоть бакалавра, хоть магистра шансы сбежать из родного болота возрастали. И девушка отправилась сдавать документы.

Поступила с первого раза. На дневной, на психологию. Без блата и денег. Бабушка плакалась счастливыми слезами. Мама удивилась. Папа даже не заметил, он вил новое семейное гнездо на стороне. И Рита принялась точить зубы о гранит науки.

Впрочем, ни магистром, ни специалистом, ни даже бакалавром стать ей суждено не было.

Первые два года Рита училась на полную катушку, с увлечением и глубокой самоотдачей. На третьем курсе энтузиазма поубавилось, но вкладывалась она все еще по полной программе. Так продолжалось почти до самого конца года.

Проблемы возникли по профильному предмету. Преподаватель общей психологии Леонид Иванович, сухонький мужичок под пятьдесят с колючими глазами, взъелся на Риту едва ли не с первого дня и гнобил ее на каждом занятии.

В то время как от других сокурсников познания трудов Уотсона<sup>7</sup>, Вертгеймера<sup>8</sup>, Фромма, Адлера с Юнгом и Фрейда с дочкой требовались в пределах статьи из учебника, от Риты ждали глубокого анализа первоисточников. Она считала, что к ней придираются. Кто-то сочувственно соглашался, кто-то нет. Преподаватель тем временем давал понять, что знания Риты его не удовлетворяют и делать с такими знаниями на психфаке нечего.

К концу года намеки на то, что такими темпами она предмет не сдаст, потеряли утонченность и вовсе перестали быть намеками.

– Что же делать? – спросила Рита.

– Может быть, вам имеет смысл позаниматься дополнительно? – предложил Леонид Иванович и пригласил студентку на факультатив.

Дополнительные занятия психолог назначил у себя дома. Рита не имела ничего против. В конце концов, это нужно ей, так что можно и прокатиться, куда скажут. И она дала согласие.

Первое занятие Леонид Иванович назначил на субботу. Рита поинтересовалась, не стеснит ли она домочадцев психолога, тот попросил не беспокоиться.

Девушку он встретил в махровом халате на голое тело, с улыбкой матерого ловеласа. В квартире, помимо психолога и застывшей в прихожей студентки, никого не было. Леонид Иванович с порога заговорил таким елейным голосом, что все сразу стало ясно-понятно, как божий день.

Рита к тому времени уже успела распрощаться с девственностью, причем достаточно давно, еще на первом курсе, и желания мужчин угадывать худо-бедно научилась. Но и торговать собственным телом охоты не имела.

От психолога она сбежала. У того были и основания, и возможность для того, чтобы раздавить строптивую девчонку окончательно, но вместо этого Леонид Иванович вдруг испугался: все претензии к студентке снял и проставил ей автоматом то, что грозился не поставить вовсе.

А может, и не испугался.

Рите впору было бы разутешиться, но радость так и не пришла. За спиной зашущукались о том, какими средствами симпатичные девочки становятся любимицами преподавателей. Этот шепоток она чувствовала постоянно. И самый лестный эпитет из тех, что слышала за глаза в свой адрес, был «шлюха».

Чертов психолог не смог поиметь ее физически, но поимел морально. Рита психанула, написала заявление и отчислилась из родного института, так и не закончив третий курс.

Новость о том, что Рита бросила институт, прогремела над развалившейся семьей горным камнепадом. Бабушка причитала и глотала корвалол лошадиными дозами. Мать под видом воспитательной работы закатила истерику, сделала безосновательный вывод, что причина отчисления в нежелании учиться. Во всем винила дочь, припомнив ей и прогулки с

---

<sup>7</sup> Джон Бродес Уотсон – американский психолог, основатель бихевиоризма.

<sup>8</sup> Макс Вертгеймер – один из основателей гештальт-психологии.

подружками, и встречи с мальчиками. Единственная, кто поддержал и понял Риту, была сестренка Вика, но проку от той поддержки было немного.

Несколько дней истерии закончились семейным советом. Позвонили отцу. Папе все было до лампочки, к тому времени он жил новой семьей, откупаясь алиментами, и в чужую жизнь впутываться не хотел.

На агрессивный выпад матери: «Это твоя дочь!» отец попросил к телефону Риту, поговорил с ней три минуты спокойно, выслушал историю и отнесся к ней рассудительно. Когда трубка вернулась в руки матери, он сказал лишь:

– Перестань верещать. Девочка большая, пусть сама решает.

И дал отбой. Мать взбеленилась еще сильнее. Мысль, что «большая девочка» способна что-то «решить сама», ни мамой, ни бабушкой даже не рассматривалась.

В итоге семейный совет постановил, что Рита идет работать по так и не полученной специальности, а на следующий год готовится и восстанавливается в институте.

Рите диктат к этому времени порядком надоел, и она уже дозрела до того, чтобы хлопнуть дверью. Вот только уходить оказалось некуда. Уйти к отцу было невозможно, а на личном фронте как раз в этот момент установился мертвый штиль. Оказаться на улице ей, понятное дело, не улыбалось. Пришлось стиснуть зубы и принять правила игры.

По специальности ее не взяли. Неполные три курса никак не давали молодой девчонке без опыта работы возможность претендовать на должность психолога. И все же три года в педагогическом свою роль сыграли.

Рита устроилась в детский сад помощником воспитателя. Количество свободного времени резко сократилось. Возня с чужими детьми съедала куда больше времени и сил, чем учеба. Зарплата выходила копеечной.

Но возвращаться в институт Рита не хотела, потому искала плюсы в своем новом положении и находила. Мама с бабушкой немного успокоились. Да и работа все же была не самой плохой. Кроме того, детский сад располагался недалеко от дома.

Самый главный плюс нарисовался неожиданно и сперва показался минусом – в последних числах августа к ним в группу привели нового мальчика. Вечером накануне этого знаменательного события заведующая лично пришла в «воспитательскую» и популярно разъяснила педколлективу, что четырехлетний Денис не просто ребенок, а ребенок, за которого на самом деле могут оторвать голову. А кроме нестандартных родителей у малыша еще и своеобразный характер, он требует индивидуального подхода. О том, что «малыша со своеобразным характером» вытурили уже из четырех детских садов, где уставшие от нестандартности педагоги грозили всем штатом положить заявление об уходе, если им придется еще хоть один день работать с Дениской, заведующая благоразумно умолчала.

Денис отличился в первый же день и продолжил доказывать свою нестандартность с завидным постоянством. Он был совершенно неуправляем. Приводила и забирала его няня, интеллигентная женщина бальзаковского возраста. Она мило улыбалась и разводила руками: «вы же понимаете...»

Понимания не было, терпение кончилось к исходу третьей недели. Воспитатель Нина Андреевна, сдерживая ярость, сквозь зубы рассказала интеллигентной няне все, что она думает о Дениске, и изъявила горячее желание пообщаться с кем-то из родителей. Лучше с родителем мужского пола.

На другой день, в пятницу, за Дениской приехал молодой напористый парень с квадратной челюстью победителя. Он посмотрел на Нину Андреевну с барским небрежением и через губу хрипловато поинтересовался: «И о чем базар?»

Воспитательница изложила суть претензий. Парень выслушал со скучающим видом и в кратких емких выражениях объяснил, что если у педагогов и возникают проблемы с ребенком, то исключительно по причине их профессиональной непригодности.

Морально оплеванная Нина Андреевна покинула раздевалку, а парень впервые повернулся к Рите, которая к тому времени закончила одевать Дениску. Кто из них удивился больше, сказать было трудно.

– Ё-моё, Ритка! Ты откуда здесь?

– Работаю, – пробормотала Рита, не зная, как реагировать на ситуацию.

С одной стороны, перед ней стоял хам, нагрубивший Нине Андреевне, с другой – бывший одноклассник, весельчак и балагур Мишка Климов.

– А это твой, что ли? – так и не решив, как относиться к бывшему однокашнику, спросила Рита, подталкивая к Мишке Дениску.

Климов добродушно хохотнул:

– Не, не мой. Одного хорошего человека. Ритк, а ты чего вечером делаешь?

Планы на вечер у Риты отсутствовали, причем перманентно. Мишка был ей симпатичен еще в школе, а сейчас он возмужал и из подростка превратился в интересного молодого человека, этакого провинциального мачо сибирского разлива. Рита в их совместном детстве считалась одной из трех красавиц класса и со временем только похорошела.

В общем, через час Мишка вернулся за ней уже без мальчишки, и они поехали посидеть в «кафешке».

Отцом Дениса Мишка действительно не был. По его собственным словам, он еще не созрел для «спиногрызов». Зато парень носил дорогие шмотки, катался на BMW X5, и «кафешка», в которую он притащил Риту, оказалась дорогим рестораном.

После школы Мишка не учился ни дня. Богатых родственников, насколько Рита помнила, у него не было. Оставалось только порадоваться за одноклассника.

На вопрос, чем он занимается, Мишка ответил уклончиво. Рита так и не поняла толком – то ли он водитель, то ли охранник, то ли партнер в бизнесе, то ли мальчик на побегушках. Ясно было лишь одно: Мишка теперь при серьезном человеке.

– Хорошо устроился, – оценила Рита, произвольно подумывая, насколько далеко может зайти продолжение этого вечера.

Бывший одноклассник, без стеснения пялившийся в вырез Ритиной кофточки, подмигнул и предложил:

– Хочешь, и тебя устрою?

– Нянькой к Деньке? – усмехнулась Рита.

– Зачем? – не понял Мишка. – У нас же не детский сад.

И сменил тему. Они пили шампанское и весело проболтали ни о чем почти до полуночи. Разговор тек на удивление непринужденно. С Мишкой было легко, и Риту охватило давно забытое спокойствие. Даже звонок матери, которая, ничего не желая слушать, с ходу заорала в трубку: «Где тебя носит? Немедленно домой!» – не вывел из состояния равновесия.

– Предки лютуют? – спросил Мишка, как только она отключила трубку, продолжающую надрываться маминым голосом.

– Мать, – отмахнулась Рита.

– Поехали? – без перехода предложил Мишка.

Вовремя предложил. Она не спросила куда, не спросила зачем. Только представила, что вернется домой, где сидит истерящая мать, и любая перспектива на контрасте с этим показалась радужной.

Мишка заплатил по счету, заказав еще бутылку шампанского с собой. Полуночный воздух не отрезвил. Они вышли, сели в BMW и поехали. Мишка гнал, как чумной, семафорил дальним светом попадающим на пути машинам.

Дорога выбежала за город. Мишка с Ритой продолжали болтать, смеяться и пить шампанское из горла. В другое время Риту все это насторожило бы, но не сейчас. Именно теперь,

повесив трубку и не став слушать материны вопли, она почувствовала себя свободной. И это чувство пьянило сильнее шампанского.

Отъехав от Тогучина, Мишка свернул на узкую, темную дорожку и погнал сквозь лес. Дорога позволяла, асфальт здесь был на порядок лучше, чем на шоссе. Дорожка попетляла немного и уперлась в высоченный забор, за которым обнаружился дом, по размаху и помпе напоминавший те, что показывали в кино про далекую Рублевку.

Потом была подземная парковка, какие-то коридоры, двери, лестницы... У нетрезвой Риты все смешалось перед глазами, возникло осознание, что сама, без Мишки, она не выберется отсюда никогда.

– Миш, а мы где?

Мишка цыкнул и поднес палец к губам:

– А вот теперь серьезно, – и открыл неприметную дверь.

Тогда Рита понемногу начала трезветь и думать, во что она вляпалась.

За дверью обнаружился бассейн внушительных размеров. Тут же была парилка, душевая, бильярдная – все, что хочешь для отдыха на широкую ногу. В бассейне в обществе двух полуголых девок плавал толстый белобрысый мужик с огромными голубыми глазами.

«Как у Дениса», – подумала Рита и тут же поняла, что все наоборот. Это не мужик в бассейне напоминает ее четырехлетнего подопечного, а Дениска как две капли воды походил на мужика.

Белобрысый, увидев Мишку, вылез из бассейна, светя обнаженным естеством, обмотал чресла полотенцем и, отослав девочек «попариться и покатать шары», поманил за собой Риту и ее бывшего одноклассника.

Они обошли бассейн и завернули в комнатенку, где ждал диван, пара кресел, журнальный столик и бар.

Рита опасливо поглядывала по сторонам. Белобрысый указал на кресла, сам по-хозяйски плюхнулся на диван, разлил по бокалам какой-то алкоголь из дорогой бутылки. Поправил съехавшее полотенце, подвинул бокал.

На девушку он смотрел таким взглядом, будто умел видеть сквозь одежду. Рита почувствовала себя раздетой и с раздвинутыми ногами. Непроизвольно свела колени.

Постаревшая и потолстевшая копия Дениски понимающе ухмыльнулась, подняла бокал и провозгласила неуклюжий тост:

– Чтоб у нас все было и нам ничего за это не было.

Пить не хотелось, но отказаться Рита не посмела. Звякнули бокалы. Крепкий, но приятный алкоголь растекся по венам. А в уши так же приторно потек голос «одного хорошего человека» и по совместительству толстого белобрысого Денискиного папы.

Подробности того вечера размылись в памяти. Рита ждала от хозяина жизни грубости, белобрысый, напротив, шутил и был галантен. Она что-то отвечала. Он снова и снова предлагал выпить. Сам больше не наливал, свалив эту почетную обязанность на Мишку. Восхищался ее красотой, потом предложил работу.

Вернее – не так. Сперва он поинтересовался ее жизнью, потом вошел в положение. Проблемы с жильем? Не проблема, он снимет ей квартиру в Новосибирске. У нее будут самые модные шмотки и зарплата совсем не такая, как в детском саду, а на несколько нулей побольше. У нее будет все, от нее потребуется совсем немного.

Он ни разу не произнес слово «проститутка». Какие проститутки? Мы ведь солидные люди. Девушка для сопровождения важных лиц. Эскорт-леди. Он ни разу не заговорил о сексе. Только приятная беседа и массаж.

Рита невольно покосилась на дверь, за которой плескались в бассейне полуголые девки. Белобрысый понял без слов и тут же объяснил, что специалисты бывают разных категорий. Там, в бассейне, – низшая.

Быть может, Рита запьянела, а может, ее окончательно достала в тот день истеричка-мать, неоконченное образование, неоплачиваемая работа – словом, все прелести этой беспросветной жизни.

Трудно сказать...

Но там, в той жизни, не было ничего, кроме желания сбежать. А здесь и сейчас ей показывали и давали пощупать, попробовать на зуб совсем иное. Даже если придется собой торговать, здесь речь не о перепихоне с преподавателем психологии за оценку. Здесь – другие люди и другие ставки.

И Рита ответила согласием.

На ее пьяную честь никто не посягнул. Белобрысый набрался до свинячьего визга. Напоследок сходил в парилку, окунулся в бассейн, потом извинился и, прихватив одну из девок, удалился на покой. Мишка, напротив, начал трезветь, сидел хмурый и морщился. Не иначе голова болела.

После ухода толстого хозяина он предложил Рите сходить в парную и, получив отказ, пригласил на выход, чтобы отвезти домой. Назад ехали молча. Рита задремала. Мишка разбудил ее уже у подъезда. Светало.

Дома ждал скандал. Мать не спала и устроила такой разгон, какого не помнили эти стены. Рита не реагировала. Она устала. Хотелось спать. Потому просто слушала вопли матери, пока та не выдохлась. Когда мать перестала брызгать слюной, сказала только:

– Все? Тогда спокойной ночи.

– Дрянь! – гневно рявкнула мать и впервые в жизни ударила Риту по лицу.

Пощечина вышла звонкой и болезненной. Рита ее не ждала и не считала заслуженной.

В глазах матери метнулся страх. Рита вдруг поняла, что она сама не ожидала этой оплеухи и уже раскаивалась за нее. Боялась последствий, готовясь к реакции дочери.

Теперь можно было расплакаться от обиды, можно было спокойно выйти, но этот страх в глазах матери показался настолько нелепым, что Рита только рассмеялась. Она смеялась над жалкой истеричкой, потерявшей мужа из-за своего дрянного характера, а теперь теряющей и дочь. Смеялась над этим болотом и над исковерканными жизнями провинциальных теток, которые принимали исковерканность эту за норму и неосознанно пытались изломать новые жизни – так, как прежде изломали их собственные. Не со зла, по традиции. Она смеялась, потому что точно знала, что вырвалась из болота.

Телефон зазвонил вечером в воскресенье. Белобрысый толстяк был трезв и сосредоточен.

– Приезжай. Это срочно. Оденься попримичнее.

– Хорошо, – с замиранием ответила Рита.

– Нет, не хорошо, – отозвался Денискин папа, – а попримичнее. Выходи через десять минут. Мишка будет ждать тебя у подъезда. По дороге заедете в магазин, купите все что надо, чтобы ты выглядела как леди. Я оплачу.

– П-простите...

– Что еще?

– Мне завтра утром в детский сад на работу, – смущенно промямлила Рита.

– Забудь. С детским садом без тебя разберутся. Считай, что ты уволилась по собственному желанию и тебе как особо ценному сотруднику премию выплатили под уход.

Рита нервно хихикнула.

– Я серьезно, – без тени улыбки в голосе сообщил белобрысый. – Все, вперед.

И трубка запищала короткими гудками.

Рита поспешно натянула джинсы, кофту и без объяснений выскочила из дому. Мишка ждал у подъезда, хотя десяти минут еще не прошло. От его веселости и легкости общения, которые так поразили Риту в тот первый вечер, не осталось и следа.

Одноклассника как подменили. Все вышло скупое на эмоции и по-деловому. Подсобка единственного в Тогучине бутика, охалка дорогущих шмоток с громкими лейблами, потом салон красоты. Дальше – шоссе, петляющая через лес дорожка, знакомый особняк.

Денискин папа ждал у бассейна в компании еще одного человека. Подтянутого черноволосого мужчины.

Если белобрысый смотрелся мелким барином, то его гость даже с голой задницей выглядел благородно. Это чувствовалось во всем: в манерах, во взгляде, в жестах. И достоинство это – не наносное, оно в крови.

Черноволосый окинул Риту взглядом с головы до пят.

– Что, красавица, массаж делать умеешь?

Рита перевела взгляд на Денискиного папу, тот едва заметно кивнул. И Рита сказала «да».

– Хорошо. Тогда пошли.

В комнате, в которую они зашли, было интимное освещение и огромная кровать с кованой спинкой. Черноволосый, оставшись в неглиже, опустился на матрас. Словно тюлень перекатился на живот и сказал, как само собой разумеющееся: «Спину помни».

Не помня себя, Рита на ватных ногах приблизилась к кровати, присела на край и принялась массировать плечи черноволосого, насколько позволяли представления о массаже.

– На психолога училась? – спросил черноволосый, не поворачивая головы.

– Да.

– Знаешь, что такое НЛП?

– Нейролингвистическое программирование. Нам рассказывали.

– Скромничаешь. В моде разбираешься?

– Как все, – пробормотала Рита.

Происходящее было совершенно непонятно, а вместе с тем неясно, как себя вести.

– Все, – проворчал черноволосый. – Сегодня шмотки сама выбирала или тебя эти одели?

– Сама.

Черноволосый перевернулся, резко сел на кровати и посмотрел Рите прямо в глаза.

– А если не врать?

– Сама, – твердо повторила Рита.

– Молодец, со вкусом все в порядке, – похвалил черноволосый. – И больше не ври. Лучше признаться, что ты чего-то не умеешь, чем соврать. Вранье все равно всплывет. А когда оно всплывает, возникает раздражение. Поняла?

Рита кивнула.

– Вот и хорошо. Потому что массаж ты делать не умеешь.

Рита потупилась. Черноволосый поднялся и пошел на выход, в дверях остановился, поминал девушку за собой.

При всем при том раздражения на его лице не было. К белобрысому он вернулся весьма довольный.

– Значит, говоришь, не дура и беседу поддержать может, – сказал благодушно. – Что ж ты, балбес, такой бриллиант в гейши записал? Это же то, что нам нужно.

Белобрысый виновато развел руками.

– А что вам нужно? – пьянея от собственной смелости, спросила Рита.

– Нам нужна красавица, которая будет представлять наш город и область в мире моды. Давно пора продвигать наших в модельный бизнес. В науке новосибирцы есть, в спорте есть. В шоу-бизнесе опять же. Лазарева там, Пушной... Эта, как ее, рок-бард... Янка Дягилева. – И вдруг посмотрел Рите в глаза: – Ты как, в Москву поедешь?

От надвигающейся перспективы пересохло во рту, закружилась голова.

– А что надо делать? – быстро спросила Рита.

– Дать принципиальное согласие. Сесть на поезд, доехать до Москвы. Там встретят и все расскажут. Я договорюсь. Ну и имя какое-то позвучнее придумать надо. Рита – это не для подиума. Мадмуазель Марго?

– Арита, – поспешно предложила Рита.

– Загадочно, – усмехнулся черноволосый. – И что сие означает?

– Мультик такой был, – потупилась Рита. – Японский. «Принцесса Аритэ». Мы с сестрой в детстве смотрели. Там король свою дочь в башне запер до замужества, а она убежала и ходила в народ. Моя сестра Вика после этого мультика стала меня Аритой называть.

Черноволосый с белобрысым переглянулись и засмеялись.

– Нехай будет Арита, – согласно кивнул папа Дениски.

– Так что, поедешь? – спросил черноволосый.

Инструктаж был простым и недолгим. Домой Рита вернулась с билетом, деньгами и новыми вещами. Мать с ней не разговаривала. Рита посчитала, что оно и к лучшему. Вике сказала, что уезжает в Москву, как устроится, даст о себе знать. Попросила не говорить пока бабушке, рассказать потом, когда она уедет.

Это отдавало трусостью. Но бабушка не смогла бы сохранить такое знание при себе, попыталась бы удержать внучку, для этого тут же рассказала бы все матери, а от ее истерик Рита устала.

Утром вместо того, чтобы идти в детский сад, Рита села в электричку до Новосибирска, где ее ждал поезд в новую жизнь.

На тумбочке под пришедшей платежкой за квартиру она оставила почти все деньги, полученные от новых знакомых, – примерно полугодовой заработок воспитательницы. Оставила, потому что была уверена – если все будет хорошо, она заработает еще. А если не будет, то и эти не помогут.

– Ну и дура, – фыркнула Клавдия, когда Рита дошла до финальной на сегодняшний день точки в своем жизнеописании. – Развод это.

– Почему? – не поняла Рита. Клавде она рассказала не все. Некоторые пикантные подробности опустила.

– Потому что чудес не бывает. В сказку про Золушку только американцы верят. Это у них миф такой национальный. А у нас все жестко. И не жди от Москвы ничего хорошего.

– Хуже, чем было, – не будет, – покачала головой Рита.

– Глупындра. Вот продадут тебя в бордель или на органы, будешь знать. Или еще проще. Вот не встретит тебя завтра никто, что будешь делать?

Рита не ответила и уставилась в окно. Там мелькали черные поля и перелески, спящие деревни и полустанки. Есть такие люди, которым надо всем вокруг испортить настроение. Вот Клавдия не верит в хорошее, разуверилась, а Рита... Нет, она тоже не верила. Она знала, что все теперь будет по-другому. Она вытасила свой счастливый билет. Пусть даже его сперли на вокзале, но поезд все равно несет ее в новую жизнь. И это не остановить.

Ярославский вокзал встретил мягкой московской осенью. Рита тепло распрощалась с суевающейся Клавдией и первой выпрыгнула из вагона.

На платформе было столпотворение похлеще, чем в Новосибирске. Рита отступила в сторону, встала возле вагона и принялась шарить глазами по разношерстной толпе, выискивая взглядом встречающего.

Человек из мира моды рисовался ей молодым и красивым. Или пусть даже зрелым, но все равно непременно красивым. Люди, работающие в модельном бизнесе, обязаны иметь притягательную внешность, обязаны одеваться изысканно или, напротив, – ярко, провокационно.

Встречающий, в представлении Риты, мог походить на старика Лагерфельда, или на душечку Влада Лисовца, или хотя бы на благородного Славу Зайцева из «Модного приговора». Глаз неосознанно искал в толпе яркое пятно, запоминающееся лицо, но все лица были обычными.

Обычные приезжающие, обычные встречающие. Какие-то таджики с тележками и диким акцентом, предлагающие подвезти ее сумку. Какие-то суетливые мужики, наперебой, словно попугаи, повторяющие «такси, такси».

В стороне стоял жутковатый лысый мужчина, похожий на лилльского палача из советского фильма про трех мушкетеров.

Толпа рассасывалась, размывалась, откатывала к зданию вокзала, как прибрежная волна. Лагерфельда не было.

«Может, опаздывает? – зашевелилось в голове. – Может, что-то перепутал? Может, я что-то напутала? Может, про меня забыли?»

От последней мысли прошиб холодный пот.

Неужели Клавдия оказалась права?

Что дальше? Одна, в чужом городе, без денег. Куда идти? Что делать?

Рита вертела головой по сторонам. Из дверей вагона высунулась Клавдия, поглядела с сочувствием.

– Не встретили?

– Встретят, – вымученно улыбнулась ей Рита.

«А если не встретят, тогда что? Пока не поздно, попросить Клаву, чтоб взяла ее с собой обратно?» – метнулась малодушная мысль.

Мимо пробежал таджик с тележкой, за ним прошествовала дородная тетка с недовольным взглядом, и на платформе не осталось никого. Только Рита и «лилльский палач».

Мужчина по-прежнему стоял в стороне. На вид ему можно было дать лет пятьдесят. Хотя с тем же успехом – лет на десять меньше или лет на десять больше – бывают такие люди без возраста. В свитере и джинсах. Высокий, совершенно лысый, с водянистыми, мертвыми глазами. И глаза эти смотрели на нее.

Рита поежилась. Она привыкла к тому, что на нее пялятся мужчины, но ни один никогда не глядел на нее так.

Взгляд был оценивающим. И вместе с тем она совершенно не интересовала палача как женщина. Быть может, его вовсе не интересовали женщины. С таким же успехом патологоанатом мог разглядывать труп в прозекторской. Чисто профессиональный интерес.

Словно уловив ее мысли, мужчина неспешно сдвинулся с места и зашагал Рите навстречу. Этому-то что от нее нужно?

«А может, он к Клаве, – мелькнула спасительная мысль, – передают же люди какие-то посылки с проводниками».

Лысый между тем подошел вплотную и посмотрел на Риту немигающим, как у варана, взглядом.

– Ты Рита?

Голос прозвучал спокойно, ровно, но от него почему-то внутри все сжалось.

– Арита, – поправила она, улыбнувшись через силу.

Пора привыкать к новому образу.

– Мадам де Помпадур, – хмыкнул себе под нос лысый и протянул руку. – Давай сумку.

Идем.

### 3

Дмитрий уходит, забыв на столе золотой карандашик. Ничего, заберет в другой раз. Разговор у нас с ним получился какой-то скомканный, как несвежая простынь. В итоге он посоветовал мне выспаться и просто дождаться завтрашнего дня – «тогда жизнь расцветет новыми красками».

Что ж, доживем до завтра...

Я выливаю в стакан остатки водки – получается грамм пятьдесят, – выпиваю и морщусь. Водка стала теплой и неприятно обжигает рот. Ставлю стакан на стол, вытягиваю ноги, закрываю глаза...

Мархи подходит сзади, обнимает меня за шею своими горячими руками и шепчет в самое ухо:

– Здравствуй, дружочек...

Черт! Я подсакиваю, словно в кресло вмонтирована катапульта, хватаю воздух открытым ртом. На лбу выступает холодный пот, ноги дрожат.

Проклятие! Эта ведьма с Мартиники сведет меня с ума. И в могилу.

Я пропал. Всё – моя жизнь, судьба, карьера, биография – всё кончено. Мархи будет приходить ко мне, будет говорить со мной, обнимать меня...

И душисть. Выхода нет!..

Мечусь по комнате, как чайника в стакане мате, натыкаюсь на мебель, спотыкаюсь о край ковра.

Мне страшно.

Мне очень страшно – я один, в чужой стране, никому не нужен, и если со мной что-то случится, то некому даже позвонить и позвать на помощь.

Комната качается перед глазами, картины на стенах пляшут безумную самбу, занавески шевелятся, как живые, провода извиваются, точно змеи.

Оно уже случилось! Меня заколдовали. Я больше никогда не смогу спать, потому что стоит только мне закрыть глаза, как тут же в ушах будет возникать этот хрипловатый шепот. Я не смогу спать и умру от истощения через четверо суток. Я читал – больше человек без сна выдержать не может, умирает. Или сходит с ума.

Останавливаюсь, пораженный. Вот он, выход! Я должен сойти с ума, чтобы избавиться от чар. Сумасшедшего нельзя заколдовать, он и так находится в волшебном мире своих грез и фантазий. Хотя...

Новая мысль заставляет меня застыть на пороге ванной комнаты. Мир фантазий, ну конечно! Надо только попасть туда, и для этого вовсе не обязательно терять рассудок. Я знаю волшебницу, которая с радостью отправит меня в Неверленд. Она не имеет никакого отношения к наркотикам – нет, нет, никогда больше в этой жизни! – ее зовут... Зеленая фея! Да, да, именно так: Absinthe. Она крепко, на семьдесят градусов, развернет меня – и отправит в страну грез, туда, где Мархи никогда меня не достанет.

Решено, я иду на свидание к Зеленой фее! В конце концов, чем я хуже Гогена или Тулуз-Лотрека? Ночной супермаркет буквально за углом, вернее, через двор, вверх по лестнице, по подземному переходу через «Садовое» и оттуда еще метров сто. Пешком минут десять, не больше. Да и прогулка перед сном будет не лишней. Прощай, Мархи, шоколадная чертовка, еще совсем немного, час, полтора – и ты меня не достанешь.

Ночь. Сырая, холодная, бодрящая. Клены о чем-то шепчутся над моей головой и роняют большие красные листья, похожие на отрубленные руки. Где-то за домами шумит вечный дви-

гатель-город, но здесь, во дворе, более-менее тихо. Выпитая водка звенит в ушах назойливым комаром.

Двор пуст, только перемигиваются во мраке огоньки сигнализации у припаркованных повсюду автомобилей. Русские почему-то называют их «машина», хотя это вообще название любого механизма. При этом мачо тут именуют «машина любви», а агрегат для стирки белья называют «стиральная машина». Интересно, что было бы, если скрестить между собой две эти машины?

Развлекаясь подобными мыслями, пересекаю двор по диагонали. Здесь, у больших железных ящиков, которыми укрывают автомобили и которые почему-то называются «ракушки», есть проход, пролом в кирпичном заборе, ведущий в соседний двор, из которого можно сразу попасть на улицу. Этот путь намного короче, чем «правильный» – через арку моего дома и в обход его по переулку.

Раньше, когда только поселился в этом доме, я пользовался исключительно «правильным» путем, но вот уже год хожу, как выражается Дмитрий, «народной тропой». Почему? Наверное, становлюсь немножечко русским. Русскость прорастает через меня, как побеги омелы прорастают через кору дерева-хозяина.

На улице горят оранжевые фонари, несколько человек, несмотря на ночное время, стоят у перекрестка, ожидая переключения светофора. Наверное, иностранцы – русские давно перешли бы, ведь на улице нет ни одной машины.

В этом районе живет много иностранцев – тут хорошие, старые дома с большими квартирами, такие обычно называют «сталинскими», относительно спокойно и близко ко всем жизненно важным точкам моего московского быта: работе, ресторанам, торговому центру. Кроме того, в шаговой доступности расположились несколько посольств и дипломатических представительств.

Вот и супермаркет. Шумная компания молодежи о чем-то переговаривается с кассиром и охранником. Все улыбаются, смеются. Это хорошо и... редко. Обычно в магазинах ругаются и даже дерутся. Русские вообще мало улыбаются. А если ты будешь улыбаться, тебя примут за умалишенного. У них даже поговорки на эту тему имеются: «Смешно дураку, что нос на боку» или «Смех без причины – признак дурачины». Один мой знакомый американец сказал, что не любит ездить в Россию, потому что «они все злые».

Я теперь знаю, что русские не злее датчан, немцев, французов или тех же американцев. Они просто всегда готовы к худшему, а мы – к лучшему. Поначалу мне казалось неестественным то, что все тут постоянно ждут беды, а потом я даже начал находить в этом глубокий философский смысл и практичность. Когда наступает радость, ты принимаешь ее в любом случае, а вот если ты не готов к беде, то она может сломать тебя. И в этом плане русские, наверное, правы. Я изучал русскую историю и уверен – навык быть готовым к неприятностям у них вырабатывался веками. И без него они бы не выжили.

Но я все равно люблю, когда мне на улице улыбаются.

Беру две маленькие бутылочки Absinthe, большую бутылку воды без газа, хлеб взамен съеденного Дмитрием, йогурты на завтрак... Завтра день рождения! После звонка Мархи я как-то и забыл об этом. Дмитрий обещал сюрприз... Что ж, осталось только скоротать ночь вдвоем с Зеленой феей, а утром выяснить, что за сюрприз мне приготовили.

В прошлом году в этот самый день Дмитрий вручил мне сертификат на то, что они здесь называют «американка», а если говорить человеческим языком – на исполнение желания. Список желаний прилагался в специальном купоне. Выбор был велик и заманчив для каждого мужчины – от прыжка с парашютом до стрельбы из пулемета или вождения настоящего танка времен Второй мировой войны.

Я выбрал занятие с профессиональным инструктором по метанию топоров, ножей и прочего смертоносного железа – с детства интересовался такими штуками. Набросался я в тот

день от души, что называется – всласть, потом неделю руки не мог поднять. Теперь могу, как настоящий викинг, воткнуть топор в дерево с десяти шагов десять, а то и двадцать раз подряд.

В нашем филиале работают хорошие люди, и поэтому корпоративный дух выше средне-статистического. Я сразу сказал, что мы должны быть командой, так принято, так правильно. Европейцы, которые работают у нас, меня поняли, а русские поначалу воспринимали новые требования как причуду и старались при первой возможности увильнуть от общих собраний, походов в тренажерные залы, выездов на природу. Впрочем, они охотно и с большим энтузиазмом устраивали коллективные попойки, называемые страшным словом «междусобойчик» – здесь это самая настоящая традиция. В итоге я совместил эту традицию с корпоративной политикой – и все наладилось.

Кассир сканирует мои покупки, спрашивает про пакет, здесь, как и во всем городе, они почему-то не бесплатные, берет карточку, снимает деньги, протягивает чек для росписи. Над кассой висит плакатик: «С днем рождения, Москва!» Он остался тут со дня города, который праздновали несколько недель назад. Если бы я был владельцем этого магазина, уволил бы менеджера, которому недосуг следить за оформлением торгового зала.

День рождения Москвы... Мы с русской столицей разминулись, и, наверное, это хорошо. Она по гороскопу рождена под созвездием Девы, а я – под Весами. Мархи тоже Дева. Моя мама всю жизнь увлекается астрологией. Она сразу сказала мне, что Девы равнодушны к Весам, тогда как Весам Девы по сердцу.

Мама сказала правду, все так и есть. Я люблю Мархи, а она меня – нет. Мне нравится Москва, а она ко мне равнодушна.

Москва вообще очень странный город – я таких никогда не видел, хотя бывал в разных странах и на всех континентах, кроме Антарктиды, но это не в счет, потому что там городов вовсе нет.

Москва огромна, как какое-то гигантское тропическое дерево, у которого ветви свисают до земли, пускают корни и становятся новыми деревьями, не теряя связи с материнским стволом.

Во все стороны, куда бы ты ни поехал из центра, в Москве ты будешь неизменно приезжать в районы с многоквартирными домами, перекрестками, торговыми центрами, автосалонами, ночными клубами и старыми церквями, оставшимися здесь еще с тех времен, когда эти районы были селами. Везде будет пестрить реклама, а огромное стадо автомобилей не даст проехать. И так километр за километром, светофор за светофором... Говорят, что Москва – крупнейший мегаполис Европы, а вот в мире есть города и побольше. Не знаю, не знаю...

Официально тут живет двенадцать миллионов человек, но я видел эти тысячи автомобилей, припаркованных у конечных станций метро, – на них каждое утро в город приезжают на работу те, кто живет в соседнем регионе, его очень по-русски называют Подмосковьем, хотя по логике Подмосковьем должно называться местное метро.

Кроме того, здесь масса нелегалов. Их, как мне кажется, миллионы – приезжих из бывших колоний Советского Союза, русских из других городов, настоящих иностранцев: китайцев, вьетнамцев, африканцев, арабов. Есть еще те, кого здесь называют «черные». Это не африканцы, а выходцы с Кавказа, горного юга России. Кавказ похож на Испанию или Корсику лет пятьсот назад – там до сих пор в ходу кровная месть, работоторговля и все конфликты решаются с позиции силы. Кавказцам нравится в Москве – здесь много красивых девушек и денег. Они обожают и то, и другое, а вот жить по законам не стремятся. Дмитрий советовал мне держаться от кавказцев подальше. Наверное, это правильно. Цивилизация еще не скоро придет к этим людям, хотя, если честно, чтобы быть столь категоричным, стоит, наверное, узнать кого-то из них лично.

Москва – яркий, шумный, динамичный город, но москвичей в России не любят, как американцев не любят в странах третьего мира, хотя при этом каждый русский хочет стать моск-

вичом. Квартиры в Москве очень дорогие, купить их по карману только олигархам, поэтому очень развит рынок жилья, сдаваемого внаем. Я тоже снимаю свою квартиру с двумя спальнями и одним санузелом, плачу три тысячи долларов в месяц. Я предлагал платить в евро, но хозяин, офицер полиции, не согласился. Доллар здесь, по-моему, популярнее, чем в Америке.

Аренда этой квартиры по европейским меркам стоит дорого, но для Москвы это нормально, средняя цена. Вообще соотношение цен на одни и те же товары в этом городе и в других странах – это какая-то сюрреалистичная фантастика, не имеющая здравого объяснения. Почему пачка одних и тех же сигарет здесь стоит сорок рублей, а в Париже – шесть евро?

И таких «Почему?» в Москве множество. Искать им объяснение – можно лишиться рассудка. Остается только принять на веру и относиться к этим причудам русского образа жизни как к климатическим явлениям. Слава богу и святому Бернардину Фельтрскому, покровителю банкиров, в банковском секторе русские ведут дела уже вполне цивилизованно.

Вхожу в соседний двор, через который проходил двадцать минут назад. Тогда он был абсолютно пуст, сейчас же встречает меня какой-то висящей в воздухе тревогой. Но водка бродит во мне, глуша чувство самосохранения, и я слишком поздно замечаю, что в дальнем углу двора, там, где проходит «народная тропа», движутся какие-то тени.

Поворачивать поздно – меня заметили. Уже прозвучало традиционное для русских уличных грабителей:

– Эй, мужик! Закурить есть?

В Европе принято в случае ограбления отдавать все, что требует преступник, – жизнь бесценна, и она не стоит кошелька с наличностью, тем паче что сейчас никто не носит с собой более-менее крупных сумм. У нас все расчеты давно уже идут по карточкам, а вот в России бал правит «его величество кэш».

Меня в Европе грабили трижды. Всякий раз я спокойно отдавал портмоне, а потом звонил в банк и блокировал карточку. В России за три года я еще ни разу не подвергался нападению с целью лишиться имущества, хотя мои коллеги постоянно рассказывали об уличных налетах, а с экрана телевизора им вторили ведущие криминальных новостей.

Нет, не сказать, что я прожил в России три года абсолютно беспроблемно. Конфликты, конечно же, бывали, но, во-первых, это издержки местного темперамента, а во-вторых, всегда удавалось уладить дело миром.

– Курить есть? – повторяет вопрос грубый голос из темноты. Я оглядываюсь. Грабителей трое. Двое подошли совсем близко – крепкие, спортивные парни примерно моего роста, а он у меня не маленький, метр девяносто. Оба в спортивных костюмах, словно только что вышли из спортзала. Но я уже давно знаю: в России спортивный костюм – универсальная одежда, в них ходят даже директора фирм.

Третий грабитель, небольшого роста, в куртке с капюшоном, маячит в стороне. Капюшон надвинут на лицо.

– Я не курю, – спокойно, не повышая голоса, говорю я им. В голове всплывают строчки инструкции, которую мне выдали в посольстве в первый день приезда: «При обнаружении со стороны окружающих вас людей действий, вызывающих обоснованную тревогу, целесообразно покинуть данное место и возвратиться в квартиру или офис, зайти в магазин, сесть в автомобиль и отъехать подальше, после чего обязательно связаться с представителями службы безопасности вашей компании, сотрудниками посольства, а если это не удастся, то с местными правоохранительными органами. Во время звонка нужно четко и кратко (желательно в зашифрованном виде) сообщить об уровне тревоги, месте своего нахождения, планируемых шагах, необходимости помощи».

Крайне полезная вещь эта инструкция. При случае скажу составителям спасибо.

Ночной ветер шумит в кронах деревьев. Где-то далеко завывает сирена полицейского автомобиля. Впрочем, возможно, это «скорая помощь». Очень может быть, что скоро мне понадобятся обе эти службы.

– Не куришь – спортсмен, что ли? – хмыкает второй грабитель и лениво предполагает: – Боксер?

Они вообще ведут себя показательно лениво, эти парни. Движения их медленны, нарочито небрежны. Они топчутся возле меня, как медведи. Когда меня еще в студенческие годы грабили в славном городе Гамбурге, куда мы приехали на какой-то рок-концерт, все было совсем иначе. Там четверо турок, резких, быстрых и очень свирепых, орали, брызгая слюной, чтобы я немедленно отдавал им бумажник и мобильный телефон, иначе они отрежут мне нос и уши и заставят все это сожрать. Они орали так громко, что привлекли внимание полиции, и я не успел достать бумажник и мобильник – нас окружили сразу три полицейские машины.

Здесь ничего подобного явно не предвидится. Собственно, Москва – не Гамбург, кричать тут бессмысленно. Дом, что каменной громадой нависает справа, смотрит на меня равнодушно темными глазницами окон.

– Ты что, глухой? – один из грабителей надвигается на меня.

– Что вам нужно? – спрашиваю я как можно спокойнее. Главное – не показать им, что мне страшно. – Если деньги – я отдам...

– О-па! – притворно радостно восклицает второй, хлопая себя по бедрам. – Ты что, забугорный?!

Наверное, он услышал мой акцент или понял по построению фраз. Дмитрий говорит, что у меня нерусское лицо, но тут темно, и вряд ли этот парень в спортивном костюме мог меня разглядеть, по крайней мере я его лица не вижу.

Первый грабитель, он стоит ближе ко мне, не поддерживает веселый тон своего приятеля.

– Деньги? – зло шипит он. – На хрена нам твои деньги. Ты больше тысячи с собой не носишь. Мне нужна кредитка, понял? Твоя кредитка и пин-код...

Тут уже я начинаю злиться, потому что так не принято. Деньги, телефон, кредитку – пожалуйста, но пин-код – это уже моя собственность высшей категории, это личные данные, и я их никогда и никому не отдам.

– Нет! – говорю им твердым голосом. – Код я не скажу!

В темноте тускло вспыхивает отсветом дальних фонарей лезвие ножа – словно рыба блеснула серебряным боком в мутной воде пруда. Парень шагает ко мне вплотную, хватается за шею – у него горячая и потная ладонь, подносит нож к лицу.

– Я тебе глаза вырежу, падла!

От него пахнет какой-то химией, как от диабетика. Нож описывает кривые в нескольких сантиметрах от меня. Краем глаза вижу, как второй тоже приблизился.

– А если назвездит? – спрашивает он.

Нож замирает напротив моей переносицы. Грабитель тяжело дышит, раздумывая, потом принимает решение:

– С нами пойдешь, понял? Там, возле магазина, банкомат. И не рыпайся – перо в бочину засажу. Снимешь бабки – и вали...

Он крепко хватается меня под руку, упирает нож в бок.

– Пошли!

И тут третий грабитель, который все это время молчал, вдруг произносит мягким, хрипловатым голосом:

– Здравствуй, дружочек...

Я резко поворачиваюсь – из-под капюшона на меня смотрят вишневые глаза, зажегшиеся в темноте, точно у персонажа компьютерной игры.

Холод продирает по спине, из легких куда-то девается весь воздух, становится нечем дышать. Перед глазами плавают цветные пятна, сердце оглушительно грохочет в ушах.

Это и вправду колдовство! Мархи нашла меня и здесь, в ночном московском дворе. Это она погнала меня за Зеленой феей. Это ее подручные заставляют снять им с кредитки все мои деньги. Это...

Я открываю рот, со свистом втягиваю в себя холодный ночной московский воздух, пахнущий бензином, мочой и дорогими духами.

Удар в скулу, не сильный, но болезненный, заставляет обратить внимание на парней. Оказывается, они что-то говорят мне, буквально кричат прямо в ухо.

– Шевелись, козел!!

Второй удар приходится в челюсть.

И вдруг – всё.

Наваждение исчезает, словно мне дали понюхать нашатырных капель. Мозг переходит на какой-то странный, автоматический режим функционирования. Я как будто вижу себя со стороны: солидный человек, бизнесмен, руководитель банковского филиала, празднует труса перед парой уличных воришек с ножом. Парой, потому что третий их соучастник – не в счет. Это – девушка. Обычная русская девушка, никакая не Мархи. Наверняка наркоманка и потаскуха.

Я не хочу сказать, что все русские девушки такие, вовсе нет. Наверное, количество наркоманок и потаскух среди них ничуть не больше, чем среди немок, француженок или датчанок. Просто ночью, в темном дворе, в компании с двумя парнями, грабящими одинокого прохожего, с большой долей вероятности может оказаться именно наркоманка и потаскуха.

У меня есть привычка носить пакеты с покупками на сгибе локтя. Эту привычку мне привила еще в детстве тетя Марта, та самая, что все время пекла маргариновое печенье. Сама она носила так свою кошелку, настоящую датскую кошелку, сплетенную из старых рыбачьих сетей.

– Нильс, мой мальчик, – говорила тетя Марта, – человеку лучше иметь руки свободными, чтобы он всегда мог перекреститься, подать милостыню или погрозить кому-нибудь кулаком...

Спасибо тебе, тетя Марта! В мою левую руку клещом вцепился парень с ножом, а вот правая свободна. Пакет с Зеленой феей и другими покупками висит у локтя – он мне не мешает.

Я действую быстро и четко, сам удивляясь, как это у меня получается. Бью того грабителя, что держит меня под ножом, в голову.

Раз, другой! Голова у него твердая, словно из чугуна, но на самом деле это, конечно, не так. Парень что-то кричит, ругается и отшатывается от меня, нелепо размахивая ножом.

Теперь и левая моя рука свободна. Ну, дорогие русские друзья, посмотрите, что такое датский викинг в гневе!

– Илюха, вали его! – уже не орет даже, а буквально визжит атакованный мною хозяин ножа.

Второй грабитель налетает сбоку, и я получаю несколько очень чувствительных ударов в плечо и грудь. Он бьет не кулаком, а чем-то железным. Кажется, такая штука называется кастет, она надевается на руку и похожа на большие железные перстни, скрепленные между собой.

А потом он попадет мне в голову, и там все взрывается, словно много-много петард. Из носа по верхней губе течет кровь, я чувствую ее первобытный, соленый вкус во рту. И вдруг слышу, как мой дедушка, старый дедушка Гуннар, поет на древнескандинавском языке свою любимую песню про Филлемана и Магнхилд. Эту песню пели викинги, когда гребли на драккарах против течения, входя в устья европейских рек. По ним они поднимались к богатым городам, брали их на меч, сжигали и уплывали восвояси с богатой добычей и пленниками.

*Филлеман шел к реке  
К самой красивой липе  
Там хотел он поиграть на золотой арфе  
Потому что руны обещали ему удачу  
Филлеман обходил течение реки  
Мастерски мог он на золотой арфе играть  
Он играл на ней нежно, он играл на ней хитро  
И птица была тиха на зеленом дереве*

Когда я был маленьким, то думал, что дедушка узнал эту песню от своего дедушки, тот от своего – и так далее, а в начале этой цепочки был тот самый викинг Филле, что любил девушку Магнхилд и освободил ее из плена у тролля. А потом выяснилось, что это известная песня и ее даже играют современные группы – In Extremo, например.

Но это не важно. Важно другое – для меня песня про Филлемана всегда была гимном победы. И я запеваю ее, размахивая кулаками, в темном московском дворе, запеваю, как заклинание, а в пакете звенят две бутылки абсента, и это – чудесный аккомпанемент.

Я несколько раз сильно бью парня с кастетом, потом поворачиваюсь и бросаюсь на парня с ножом, который хотел напасть на меня сзади. Мы сшибаемся, и я хватаю нож прямо за лезвие и выдергиваю из его ладони. А потом я начинаю бить его, выкрикивая слова песни:

*Он играл на ней нежно, он играл на ней громко  
Он играл Магнхилд, свободный от рук тролля  
Потом поднялся тролль из глубин озера  
Он громыхал в горах и грохотал в облаках  
Тут разбил Филлеман арфу со всей своей силой  
И отнял так у тролля его силу и мощь*

– Антоха! – кричит за спиной парень с кастетом. – Ну его на хрен, он же псих!

Я поворачиваюсь, заносу руку для удара. Парень исчезает в темноте. Возвращаюсь к Антохе.

– Су-ука... – хрипит он, шатаясь, – я попал ему кулаком в горло. Надвигаюсь на него – добить. Антоха машет на меня руками, как на пчел, и уходит куда-то в темноту.

Я умолкаю – песня кончилась. Во дворе тихо и пусто. Я, кажется, победил.

Впрочем, нет, я здесь не один. Мархи стоит в нескольких шагах от меня. Она что-то хочет сказать, но у нее не получается.

– Стинь! – говорю я ей и смеюсь. В воздухе сильно пахнет полынью – это моя Зеленая фея не выдержала битвы с силами зла. Чары Мархи ее одолели – из пакета капает, хрустят осколки.

Вытряхиваю содержимое пакета на землю. Оказывается, что одна бутылочка уцелела. Беру ее за тонкое горлышко, сворачиваю пробку и лью в рот горький, обжигающий напиток.

Я победил! Я, как Филлеман, одолел тролля, причем этим троллем было мое собственное прошлое.

Мархи исчезает бесшумно и незаметно. Все, ее больше нет. А теперь мне нужно идти домой, лечь в постель и спать, потому что у меня завтра день рождения. Мне исполняется тридцать три года...

Я просыпаюсь в темноте. Изумрудно светятся на музыкальном центре цифры часов: 04:57. Я абсолютно трезв, чувствую себя выпавшимся и полным сил. У меня такое ощущение, что я выздоровел после долгой болезни. Это ощущение я впервые испытал в детстве, мне тогда было лет пять. Я простудился на Хэллоуин, когда с Северного моря пришел циклон, и

весь Копенгаген завалило снегом по самые крыши автомобилей. Мы с братом и сестрой отправились к дяде Ульрику, тому самому, женой которого была тетушка Марта, а перед самими их дверями нарядились привидениями – сняли куртки и закутались в простыни. Вот только открыли нам не сразу, и мы совершенно промокли и замерзли.

А на следующий день у меня поднялась температура, начался кашель, и через два дня меня увезли в больницу. Я лежал там долго-долго – всю осень, всю зиму и даже немножко весны. Мне кололи уколы, ставили капельницы, давали дышать кислородом и еще много чего всякого делали, но я все равно чувствовал себя плохо, у меня была слабость, и я почти ничего не ел.

Но однажды вот так же в самый темный предутренний час я проснулся оттого, что понял – я здоров. И еще мне захотелось есть. И не просто какую-нибудь еду, нет, я захотел бабушкину индейку, румяную, с темной корочкой и нежным мясом, пропитанным соком можжевельных ягод. Я лежал и захлебывался слюной, представляя, как папа отломит мне ножку, и я вопьюсь зубами в эту индейку, а пахучий сок будет брызгать в разные стороны, и все будут смеяться, глядя на то, как я ем...

Сейчас я тоже хочу, только не индейку. Я хочу женщину. Молодую, сильную, красивую, ласковую и нежную. И впервые за три года эта женщина – не Мархи.

Мархи больше нет. Я прошел через обряд изгнания ее из своей жизни, через жертвоприношение собственной кровью. Один сделал так же, когда висел на Мировом древе Иггдрасиле. Мои предки были язычниками и приносили своим богам в жертву живых людей. Я живу в двадцать первом веке, но я – достойный потомок тех, кто держал в страхе всю Европу.

«*A furore Normannorum libera nos, Domine!*»<sup>9</sup>

Русские называют викингов-норманнов варягами. Они тоже считают, что варяги были их предками. Получается, что там, в темном дворе, столкнулись потомки великих мореплавателей и воинов. Столкнулись по злой воле креольской ведьмы с Мартиники и своей кровью смыли черное колдовство. Так это или нет, конечно же, неизвестно, но одно я знаю точно – теперь я очистился от этой скверны, от этого любовного безумия, от черной магии и злых чар. Или просто перестал быть дураком. Что более похоже на правду и логичнее.

Из-за крыши соседнего дома выползает луна. Я уже говорил, что здесь она похожа на смешливую девушку с короткой стрижкой. Представляю, как эта девушка, улыбаясь в темноте, входит в мою комнату. На ней нет одежды. Совсем никакой одежды, только тоненькая золотая цепочка на правой лодыжке. Полные груди покачиваются в такт шагам, стройные бедра двигаются, словно большие рыбы в воде. На белой коже, чуть ниже плоского живота, темнеет треугольник волос...

– Стоп! – говорю я вслух по-русски. Или по-английски? Какая к черту разница, главное, что нужно остановиться, а то дело пойдет слишком далеко, при том что жриц любви в Москве гораздо больше, чем в любой другой столице мира, достаточно просто зайти в Интернет.

Человек слаб, и я – не исключение.

Ощущаю жажду, встаю, шлепаю босыми ногами по холодному ламинату на кухню. В холодильнике ждет одинокая бутылочка Tuborg. Не бутылка «Туборга», изготовлено на российском пивзаводе, а бутылочка настоящего, датского Tuborg, любимого пива всех мужчин семейства Хаген. Я привез летом из Копенгагена несколько упаковок, но все хорошее когда-то кончается. Сейчас осталась одна, последняя бутылочка.

Ароматное шипучее блаженство стекает мне в горло. В ночном оранжевом небе за окном летит китайский фонарик. Здесь их очень любят запускать влюбленные. Я поднимаю опустев-

---

<sup>9</sup> «От гнева норманнов избавь нас, Господи!» (*лат.*) В 888 году нашей эры эта строка была включена в католическую мессу в связи с непрекращающимися набегами викингов.

шую бутылочку, словно это ствол какого-то невозможного, фантастического оружия, целюсь через прозрачное доньшко в фонарик и «стреляю»:

– Пу!

Фонарик продолжает свой полет. Я улыбаюсь, возвращаюсь в постель.

Мне хорошо.

## 4

Лысый двигался быстро. Рита, хоть и шла теперь налегке, едва за ним поспевала. Вокзал запомнился гамом, пестрой толпой, ларьками, магазинчиками и многочисленными указателями. Те, что указывали в сторону метро, лилльский палач промахивал не задумываясь. На Риту мужчина не оглядывался, словно был уверен, что девушка не отстанет и не потеряется.

Они вышли на шумную улицу. Свернули к парковке, утыканной большим количеством иномарок. Возле одной из них, черной, наглухо тонированной, напоминающей гладкую и хищную акулу, палач остановился. Пискнула сигнализация.

Мужчина распахнул багажник, кинул в него Ритину сумку.

– Чего стоишь? Садись, – сказал походя, даже не удостоив ее взглядом.

И Рита полезла в салон. Внутри все было из кожи и похожего структурой на благородный бриар пластика. Почему-то совершенно не пахло машиной. Запах оказался солидный – тонкое сочетание дорого одеклона, кожи, хорошего табака и еще чего-то незнакомого. Завелась черная «акула» тоже неслышно.

Рита пристегнулась. Палач молчал. От этого молчания она почувствовала себя неловко. Машина мягко тронулась с места.

– А я слышала, что в Москве быстрее на метро ездить, – сказала девушка, лишь бы только о чем-то заговорить.

– Вот пусть тот, кто так говорит, на метро и ездит, – бесцветно ответил лилльский палач.

Сказано это было так, что продолжать беседу расхотелось, и Рита замолчала.

Черная акула протиснулась сквозь, казалось, сплошную стену машин и вывернула на широкую улицу. Рита украдкой глянула на мужчину. Тот бесстрастно крутил руль. На лице его не было ни единой эмоции, и это пугало, словно машину вел не человек, а робот.

– Простите, а вас как зовут?

– Пафнутий.

– Как?.. – выдохнула Рита и запоздало прикусила язык.

Палач посмотрел искоса.

– Тебе что, имя не нравится?

– Нет, – совсем смутилась Рита. – Просто...

– Просто звучит по-идиотски, как все придуманное. Правда, Арита?

Он сделал акцент на последнем слове – ее свежеизобретенном псевдониме. Рита потупилась. Палач спокойно следил за дорогой, не обращая на девушку никакого внимания, будто ее вовсе не существовало.

– Николай Александрович меня зовут, – без намека на эмоцию произнес он в пространство. – И отучайся от этих ваших уездных привычек. Всякая сикуха, приехавшая покорять Москву, считает своим долгом выпендриться. Создается впечатление, что самые распространенные имена в России не Маша, Катя, Настя, а Анжелика, Марго, Есения, на худой конец Кармен. Откуда вы это берете?

– Простите, – окончательно ступевалась Рита.

Палач не ответил, и девушка уткнулась в окно.

Москва завораживала.

Когда-то давно, в далеком детстве, отец ездил сюда в командировку и привез Рите набор открыток со столичными видами. То, что она наблюдала сейчас сквозь тонированное стекло, совсем не походило на те фотографии. Это был другой город, другая Москва. Отличная от постановочно сфотографированной десятилетия назад, отличная от той, что показывали по телевизору. Настоящая? Может быть. Но в любом случае живая. Наполненная жизнью. Стремительно несущаяся куда-то. Деловая и озадаченная. Суетливая, хаотичная и от этого немного

нелепая. Но за этим внешним хаосом чувствовалась некая упорядоченность. Как в кишасщем муравейнике, где букашки бегут куда-то, кажется, без цели и смысла, но при этом у каждого муравья есть цель, а каждое движение имеет смысл.

Машины впереди затормозили, Николай Александрович тоже сбавил скорость, пока акулообразная иномарка не остановилась совсем. Машины теперь стояли со всех сторон. Справа и слева, плотно, наплевав на разметку и рядность. И впереди – насколько хватало глаз.

Палач достал портсигар, выудил коричневую сигариллу, прикурил. Салон наполнился табачным дымом, но дым этот имел благородный оттенок, не раздражал.

– Куришь?

– Нет, – ответила Рита.

Не объяснять же, что не имеет привычки, а только баловалась сигаретами, причем исключительно подшофе.

– Если хочешь, можешь открыть окно, – разрешил Николай Александрович.

– Спасибо.

Машины еле ползли. Наверное, там, впереди что-то случилось. Может быть, какая-то авария или дорожные работы. В любом случае спрашивать об этом Рита не стала. Палач индифферентно задымил весь салон. Наконец включил поворотник, медленно протиснулся в правый ряд и съехал на узкую почти провинциальную улицу, она вывела на набережную. Здесь было свободнее, и черная акула продолжила рассекать пространство и время, легко и беззвучно, словно призрак.

Они ехали вдоль набережной, потом свернули, запетляли узкими улочками, завертелись, закрутились, утопая в паутине столичных проулков. Наверное, это был центр, потому что дома здесь стояли по большей части старые и невысокие.

Наконец машина остановилась возле дома так называемой сталинской постройки. В Новосибирске таких было не очень много, и жить в них считалось престижным.

– Вылезай. Приехали.

Рита выбралась из машины, притворила дверцу, стараясь не хлопать. Николай Александрович к тому времени уже вытаскивал из багажника ее сумку. Лязгнула крышка багажника, пискнула сигнализация. Лилльский палач, не говоря ни слова, двинулся к дому. В подъезде стояла тяжелая дверь с кодовым замком. Пальцы лысого быстро забегали по клавишам, набирая цифры.

«Я знаю пароль, я вижу ориентир», – некстати завертелось в голове.

Дверь распахнулась. Из темного чрева подъезда потянуло странной смесью запахов: сыростью, освежителем воздуха, табаком и легко, еле уловимо – старой мебелью. Палач кивнул, приглашая пройти вперед. И Рита с опаской шагнула в будущее.

Квартира располагалась на третьем этаже и занимала его добрую половину. Во всяком случае Рите показалось, что изначально это были разные жилплощади, потом их кто-то скупил, соединил, перепланировал и зафиксировал все «евроремонт». А вот высоченные потолки остались родными, из далекого советского прошлого, когда строго выполнялись нормы по количеству кубических метров пространства на каждого жильца. На пороге ждала девушка в шортах, плюшевых тапочках и полупрозрачной кофточке с таким глубоким декольте, что Рите против ее воли стало стыдно перед палачом за то, что он это видит. Стыд был детский, из той далекой поры, когда она не могла вместе с родителями смотреть фильмы, в которых целуются.

– Здравствуйте.

Рита отметила, что девушка здоровалась с Николаем Александровичем, на нее же обратила внимание не больше, чем на багаж. Это уже входило в традицию. Складывалось впечатление, что для столичных жителей Рита и ее сумка являлись ценностями одного порядка. Вслед

за палачом она вошла внутрь и запнулась в дверях, оглушенная размерами прихожей, если это помещение можно было так назвать.

– Филька здесь? – буднично поинтересовался Николай Александрович. – Он мне нужен.

– Да.

– Хорошо.

Бесцеремонно пихнув встретившей их девушке Ритину сумку, палач по-хозяйски распорядился:

– Ната, солнышко, возьми девочку, проводи, покажи все, что нужно. Пусть приведет себя в порядок. Я пока поговорю с Филиппком. Девочка нужна сегодня вечером.

Декольтированная Ната кивнула, качнув полуголыми грудями, и посмотрела на Риту.

– Идем.

Робея и не понимая, как реагировать на происходящее, Рита посеменила за девушкой.

Они прошли в зал. Еще минуту назад поражающая воображение прихожая рядом с ним показалась жалким предбанником. Визуально объем зала увеличивали светлые стены. Здесь все было просто, но солидно и по делу. В центре расположился подиум. Вокруг него стояли глубокие, обитые тисненой кожей диваны. Кроме того – бар, отделенный от основной площади стойкой, пара высоких стульев рядом с ним и бонсаи в нишах. По сравнению с простой роскошью этого помещения загородный особняк «хороших людей» из Новосибирска выглядел жалкой подделкой, причем подделкой провинциальной. Здесь все было иначе. Здесь была другая жизнь. А может, жизнь была только здесь, а там, дома – муляж?

«Ради этого стоило сбежать», – подумалось вдруг. Пусть даже ее тут, в этой Москве, пока в упор не видят. Это все временно. Она еще докажет, что не просто какая-то девочка из захолустья.

Декольтированная Ната, бесстыдно виляя бедрами, прошла через зал к дальней стене, где темнели еще несколько дверей. Девушка толкнула правую. Кивнула Рите:

– Проходи.

Рита послушно шмыгнула в дверь. За ней обнаружилась спальня. Огромный встроенный шкаф с зеркальными дверями, огромная кровать, трюмо и полупрозрачная дверь, ведущая в персональную ванную комнату.

– Я – Натали. – Девушка небрежно бросила Ритину сумку на кровать. – Если что, позовешь. А сейчас быстро в душ. Слышала, что Коля сказал? Поторопись.

– Коля? – удивленно вскинула бровь Рита.

– Николай Александрович, – пояснила Натали.

Рита не ответила. Лысый лилльский палач напоминал бездушного варана и, сказать по чести, навевал страх. Мысль о том, что кто-то может называть этого жуткого человека «Колей», не укладывалась в голове.

Натали вышла. Рита заглянула в ванную. Маленькую ванную комнату в спальне, которая была в разы больше, чем совмещенный санузел в маминной квартире. И эта персональная ванная сверкала дорогим кафелем и хромом. Глядя на всю эту роскошь, девушка сообразила, что не мылась несколько дней, и поспешно скинула одежду.

Несмотря на просьбу поторопиться, Рита провела в душе не меньше получаса. Долго стояла под теплыми тугими струями и наслаждалась, проводя ладонями по груди, животу, бедрам. Наконец выбралась из ванны, вытерлась огромным мохнатым полотенцем и, завернувшись в него, вернулась в спальню. Здесь ждал сюрприз. Сумки на кровати не оказалось. Рита заглянула в шкаф, но не нашла там ничего, кроме пустых полок и голых вешалок. Чувствуя себя совсем уж глупо, на всякий случай заглянула под кровать. Сумки не было.

Рита подошла к двери, позвала негромко:

– Натали?

Ответа не последовало. Положение было нелепым, отдавало глупым розыгрышем. Рита осторожно приоткрыла дверь. Высунулась в зал с подиумом, надеясь увидеть там Нату.

В зале новой знакомой не было. Зато нашлась сумка. Она валялась на кожаном диване, а рядом сидел дядька, словно бы сошедший с экрана какого-то фильма про жизнь модельеров. Чисто выбритый, с длинными ухоженными волосами, в белоснежной рубашке, застегнутой на две трети. Умеренно волосатую грудь прикрывал небрежно повязанный шейный платок. На тонком, с легкой горбинкой носу сидели узкие очки в стильной оправе. И этот дядька смотрел на Риту.

– Ой, – вырвалось у нее против воли.

– Наконец-то, – голос у манерного был неприятным. Выглядел дядька лучше, чем звучал.

– А Натали?

– Иди сюда, – манерный не просил, он требовал. Требовал так, будто Рита была его собственностью.

– Простите, я не одета.

– Позволь спросить, ты вот это собралась надевать?

Дядька запустил пятерню в Ритину сумку и выволок на свет божий ком перепутанной одежды. Среди смятых кофточек мелькнуло нижнее белье. Рита смутилась.

– Дискотека восьмидесятых? – брезгливо прокомментировал манерный. – Спрячь это, чтоб я больше никогда не видел. А еще лучше сразу выброси.

– Верните мне вещи, – едва не заикаясь, пробормотала Рита.

– Подойди, возьми, – предложил дядька.

Это было слишком. Разрываясь между злостью и растерянностью, Рита вышла из комнаты и прошла через зал к подиуму. Остановилась в шаге от наглого дядьки и требовательно протянула руку.

– Потом. Сейчас убери полотенце.

– Что? – опешила Рита.

– Слышишь плохо? Покажись лор-врачу. Потом. А сейчас убери эту махровую тряпку, которая на тебе намотана.

– Я... вы...

– Деточка, я топ-стилист. Со мной не спорят, меня не стесняются. Я как мать. Или гинеколог. Как мать-гинеколог. Меня надо слушаться. Так что вариантов два: или ты слушаешь и выполняешь все, что я говорю, или собираешь манатки и катишь обратно в свой усть-пердянск, или из какой говноперди ты там приехала? Я доступен?

– Его не надо бояться. Если просит, нужно выполнить.

Голос прозвучал бесстрастно, но подействовал, как ледяной душ. Рита повернулась к входу. Лилльский палач стоял, облокотившись о дверной косяк, и смотрел на Риту взглядом рептилии. От этого взгляда, как и от того, насколько неожиданно появился Николай Александрович, сделалось не по себе. Палач тем временем отклеился от косяка и медленно, с неспешной грацией удава, двинулся к дивану.

– Николя, ты кого приволок? – в голосе манерного дядьки появились капризные нотки. – Что за пуританские мотивы? Что за ломкое крестьянство?

– Филя, успокойся. Просто делай свою работу.

Лилльский палач подошел вплотную к дивану, встал за левым плечом манерного дядьки и облокотился на спинку. На Риту посмотрел все тем же холодным немигающим взглядом.

– Филипп здесь не для того, чтобы пялиться на голые сиськи. Поверь, он их видел столько, что у него уже не стоит.

– Все у меня стоит, – делано возмутился манерный. – Просто я в другой теме.

– Филипп придаст тебе товарный вид. Слушай и делай все, что он говорит, – пропустил мимо ушей реплику дядьки палач.

Голос Николая Александровича звучал бесцветно, но было в нем что-то такое завораживающее и пугающее, что Рита почувствовала, как теряет волю.

– Сегодня вечером ты работаешь, – добил палач.

От этих слов в груди екнуло. Рита почувствовала, как сбивается дыхание, а сердце начинает колотиться чаще.

– Мне вечером... на подиум?

– Подиум? – поднял бровь манерный Филипп.

– Нет, – отрезал Николай Александрович, – знакомство. Подиум – это мишура. Настоящая работа модели – вовсе не то, что показывают по телевизору. И сегодня вечером ты должна выглядеть круче, чем на подиуме.

– Что нужно делать?

Палач молча кивнул на манерного дядьку. Филипп так же без слов посмотрел на полотенце. Борясь со смущением, Рита распутала узел и отбросила полотенце на диван. Она старалась выглядеть естественно, но под взглядами двух чужих мужчин чувствовала себя неуютно. И не потому даже, что стояла голая перед незнакомыми людьми, а больше оттого, что этих людей ее нагота интересовала примерно так же, как нагота покойника интересует патологоанатома.

Филипп скривил губы. Рита не выдержала и прикрылась.

– Ну не зна-аю, – протянул манерный дядька, брезгливо морщась.

– Сиськи колом, задница есть, ноги стройные, – оценил лысый.

– Контур соска не ярко очерчен... – начал Филипп.

– Не придирайся, – оборвал Николай Александрович. – Он иностранец. У него скромный опыт. И пристрастия его ты тоже видел... Или ты опять не смотрел материалы?

– Смотрел, – поджал губу Филипп.

– Можно мне одеться? – вмешалась Рита, потерявшая нить разговора. К тому же она замерзла.

– В это?

Манерный снова поворошил содержимое сумки и встал с дивана.

– Деточка, мы будем делать из тебя мечту, а не доярку из Хацапетовки. Забудь про эти тряпки.

И Филипп направился к шкафу.

Рита подобрала полотенце, неуклюже обмоталась заново.

Ощущения от происходящего были странными настолько, что девушка почувствовала приближение истерики.

– Без меня справитесь, – не то спросил, не то констатировал Николай Александрович.

– Когда мне была нужна твоя помощь, Николая? – огрызнулся Филипп.

Палач не обратил на него внимания, он смотрел на Риту.

– Паспорт давай, – потребовал все с тем же ледяным спокойствием.

– Зачем? – не поняла Рита.

– Это Москва. Необходимо оформить регистрацию.

– Да, конечно, – засуетилась Рита и полезла в сумку.

Руки дрожали. То ли от холода, то ли от напряжения. А может, от неудобности ситуации. Человек ей помогает, заботится, а она ему дурацкие вопросы задает.

– А вы потом отдадите?

– Это не стройплощадка и не рынок. Для меня чужой паспорт – проблема, а лишние проблемы мне не нужны. Будет регистрация, получишь обратно.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.